

L $\frac{61}{42}$

НЕ КОПИРОВАТЬ

95
„БИБЛИОТЕКА ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“

61
42
42
Н. БЕРЕЗИНЪ.

Ледяной плѣкъ.

№ 201. Д.

ПЛАВАНІЕ И ЗИМОВКА НОРДЕНШИЛЬДА

У БЕРЕГОВЪ СИБИРИ.

СЪ 26 РИСУНКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. акц. общ. „СЛОВО“. Ул. Жуковского, 21.
1907.

2007085546

ГЛАВА I.

Полярныя плаванія англичанъ и голландцевъ.—Плаваніе и зимовка Баренца на Новой Землѣ.—Изслѣдованія русскихъ.—Новыя времена.—Открытіе морского пути къ устьямъ Оби и Енисея.—Норден-шильдъ и его планъ.

Это было въ 1553 г. осенью. Тамъ, гдѣ теперь раскинулся Архангельскъ, столица русскаго сѣвера, стоялъ небольшой монастырь, окруженный жалкими избушками промышленниковъ, которые уже тогда смѣло плавали по Бѣлому морю, по Ледовитому океану и ловили треску по Мурманскому берегу. Край этотъ и теперь малолюдный, глухой, а 350 лѣтъ тому назадъ мало кто даже изъ русскихъ слышалъ о немъ, не говоря про иноземцевъ. Когда поѣтому осенью 1553 г. въ Двину вошло большое судно съ невиданной оснасткой и изъ него высыпали невиданные люди въ шляпахъ и плащахъ, въ какихъ на Руси не ходилъ никто, когда они заговорили на какомъ то никому непонятномъ языкѣ и выражали какія то желанія, то изумленію обитателей Архенгельска не было предѣловъ. Откуда явились чужеземцы? Какъ попали они сюда? Никто не зналъ и не могъ отвѣтить. Послали гонцовъ въ Москву къ царю Ивану Васильевичу спросить, какъ быть, и когда, спустя нѣсколько недѣль, пріѣхали московскіе люди,

чужеземцевъ съ торжествомъ повезли въ Москву. Оказалось, что это были англичане, капитанъ Чанселоръ со своимъ экипажемъ. Англичане были изумлены своимъ приключеніемъ не менѣе русскихъ, потому что никакъ не ожидали, что ихъ путешествіе закончится въ Москвѣ, а не въ Индіи и Китаѣ, куда они держали свой путь. Въ Москвѣ они повѣдали царю, что ихъ выѣхало изъ Англіи три судна, но у сѣверныхъ береговъ Норвегіи буря раскидала корабли, и куда дѣвались два другихъ, что случилось съ ними, они не знаютъ. Изъ лѣтописей извѣстно, что въ Москвѣ этихъ англичанъ приняли съ почетомъ, держали цѣлую зиму и заключили съ ними торговый договоръ, чрезвычайно выгодный для нихъ. Лѣтомъ, едва вскрылось море, Чанселоръ поплылъ домой съ радостной вѣстью о своихъ успѣхахъ, но съ печальнымъ извѣстіемъ о гибели всѣхъ остальныхъ мореплавателей. Они, дѣйствительно, погибли всѣ. Весной, когда на Мурманъ пришли русскіе промышленники, они увидѣли замерзшіе въ морѣ близъ берега два корабля, которые морозъ изукрасилъ ледяными сосульками и накрылъ пушистымъ инеемъ; въ корабляхъ въ разныхъ позахъ лежали обледенѣлые трупы. Капитанъ Уиллугби, начальникъ эскадры, и 62 ч. экипажа, всѣ лежали и сидѣли, кого какъ застигла холодная смерть. Изъ дневника, лежавшаго на столѣ въ каютѣ передъ склонившимся надъ нимъ покойникомъ, узнали потомъ мучительную повѣсть медленной гибели несчастныхъ. Долго носились они по морю, отыскивая гавань, видѣли какую то землю, окруженную мелями,—должно быть, островъ Колгуевъ,—и, наконецъ, принуждены были искать убѣжища въ одной бухтѣ Мурманскаго берега. Тутъ настигла ихъ зима; ударилъ морозъ, замерзло море, и люди, готовившіеся къ пла-

ванію подъ тропиками, очутились безъ теплой одежды, безъ запасовъ, даже безъ топлива передъ голымъ и необитаемымъ берегомъ.

Но какая сумасбродная мысль завела ихъ сюда, въ царство льдовъ и черной полярной ночи? Вѣдь если они искали морской путь въ Индію, на Прянные острова и въ Китай, то извѣстно, что онъ пролегаетъ по южнымъ морямъ мимо мыса Доброй Надежды. А кому не нравится эта восточная дорога, тотъ можетъ выбрать себѣ долгій кругосвѣтный путь, по которому Магеланъ провелъ свои корабли къ берегамъ Азіи мимо Южной Америки поперекъ Тихаго океана.

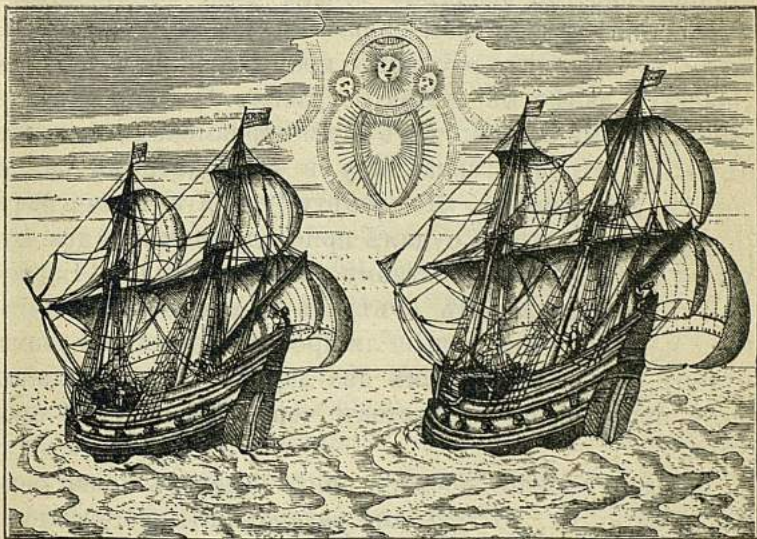
Не забудьте, однако, что описываемыя событія происходили болѣе, чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ. Теперь море открытая дорога для всѣхъ, но въ тѣ времена державы, которыя первыя успѣли найти путь въ сказочныя восточныя страны, ревниво охраняли ихъ отъ притязаній сосѣдей. Такимъ образомъ англійскіе, голландскіе и нѣмецкіе купцы и мореходы должны были съ завистливой ревностью слѣдить за тѣмъ, какъ обогащались испанскіе и португальскіе торговцы. Они не смѣли даже и пытаться воспользоваться чужой дорогой: дерзнувшее на то судно не только встрѣтило бы во всѣхъ попутныхъ гаваняхъ самый враждебный пріемъ, но навѣрное можно было даже предсказать, что первое встрѣчное португальское судно пустило бы его ко дну, а матросовъ продали бы варварійскимъ пиратамъ въ рабство ¹⁾. Между тѣмъ морская торговля съ далекими восточными странами приносила такіе громадныя барыши, что никакое воображеніе не могло

¹⁾ Пираты съ сѣвернаго берега Африки, разбойничавшіе на Средиземномъ морѣ.

устоять передъ дразнящею заманчивой мечтой перенять ее въ свои руки. Но на что же существуютъ ученые? Развѣ они не знаютъ, какого вида земля, каковы очертанія суши, широки ли океаны и гдѣ какія лежатъ страны? Развѣ Колумбъ не нашелъ дороги въ Новый Свѣтъ благодаря ученому итальянцу Тосканелли, или мало совѣтовался португальскій король съ учеными космографами прежде, чѣмъ послалъ Васко да Гаму искать дорогу въ Индію? Пусть они помогутъ и намъ, пусть они укажутъ другіе пути! Такъ разсуждали англійскіе купцы, приступая съ своими требованіями къ ученымъ.

Однако свѣдѣнія о далекихъ странахъ были въ то время еще очень скудны. Такъ никто ничего почти не зналъ о холодныхъ моряхъ, откуда вѣтеръ и теченія пригоняютъ ледяныя горы. Въ то время многіе даже думали, что Гренландія соединяется съ Норвегіей въ одну сплошную сушу. Тѣмъ не менѣе ученые не уклонились отъ совѣтовъ. Они высказали два предположенія. „Во первыхъ,—говорили они,—въ Индію и въ Китай можно было бы попасть по *сѣверо-западному* пути, обогнувъ съ сѣвера Америку, которая должна же гдѣ нибудь кончаться. Во вторыхъ, можно думать, что существуетъ также и *сѣверо-восточный* проходъ вдоль сѣверныхъ береговъ Европы и Азіи“. Предположенія эти не остались голой мечтой: нѣсколько англійскихъ купцовъ соединились капиталами и снарядили экспедицію подъ начальствомъ Уилугби. Въ то невѣжественное время предпріятіе это казалось легко осуществимымъ. Такъ Уилугби везъ съ собой письма на разныхъ восточныхъ языкахъ къ тамошнимъ властителямъ. Его не снабдили запасами для борьбы съ холодомъ, суда не были приспособлены для плаванія среди льдовъ, но

зато моряковъ предупредили, чтобы они не поддались страху, „когда встрѣтятъ нагихъ, живущихъ въ морѣ людоедовъ“. Мы уже видѣли, какой конецъ имѣла эта экспедиція. Можетъ быть, еслибы Чанселоръ не нашелъ спасенія въ устьѣ Двины и не встрѣтилъ ласковаго пріема у русскихъ, послѣдствіемъ чего было немедлен-

Корабли Баренца (Со старинной гравюры).

ное основаніе торговой компаніи англійскихъ купцовъ для выгодной торговли съ Россіей, англичане не оставили бы своихъ попытокъ проникнуть въ Индію по сѣверо-восточному проходу. Какъ практичные люди, они однако удовольствовались достигнутымъ успѣхомъ, особенно послѣ того, какъ, спустя около 30 лѣтъ, два небольшихъ ихъ судна добрались до Карскаго моря

и вернулись обратно въ самомъ жалкомъ видѣ и съ самыми неутѣшительными извѣстіями.

Казалось бы, эти неудачи должны были охладить рвеніе предпринимателей. Такъ бы оно и случилось если-бы, кромѣ англичанъ, къ торговымъ сношеніямъ съ востокомъ не стремился другой мореходный народъ, именно, голландцы. Мысль воспользоваться сѣверо-восточной дорогой овладѣла теперь ими. Многіе купцы голландцы посылали свои корабли въ Бѣлое море и слышали кое что отъ русскихъ промышленниковъ о лежащихъ далѣе къ востоку странахъ. И вотъ въ 1594 г. нѣсколько мидльбургскихъ и амстердамскихъ купцовъ рѣшили устроить складчину и снарядить на общія деньги два корабля. По совѣту ученаго космографа Планціуса къ этимъ судамъ присоединили еще два, которыя были ввѣрены опытному капитану Вилему Баренцу съ предписаніемъ объѣхать Новую Землю съ сѣвера и посмотрѣть, нельзя ли пробраться дальше этимъ путемъ, въ то время какъ два другихъ судна должны были проникнуть на востокъ черезъ Вайгачскій проливъ.

23 Іюля Баренцъ достигъ близъ береговъ Новой Земли $77^{\circ}55'$ с. ш., но тутъ ему загородилъ дорогу сплошной ледъ. Всѣ попытки проложить себѣ дорогу сквозь него не привели ни къ чему. Берегъ былъ пустыненъ, не видно было ни людей, ни животныхъ, и если что порадовало мореплавателей, такъ это находка „золотой руды“, какъ они вообразили при видѣ породы, въ которой сверкали какіе то желтые кристаллы. Баренцъ повернулъ на югъ къ Вайгачу и здѣсь встрѣтился съ другими двумя судами. Товарищи его имѣли не больше удачи: они прошли Вайгачскимъ проливомъ въ Карское море, въ „Сѣверный-Татарскій океанъ“, также наткну-

лись на непроходимые льды и, подобно Баренцу, обрадовались находкѣ тусклыхъ кристалловъ, которые приняла за громадные алмазы, потерявшіе прозрачность „отъ дѣйствія холода“. Соединенная эскадра совершила еще плаваніе далѣе къ востоку и открыла устье рѣки, какъ они думали, Оби, а на самомъ дѣлѣ Кары. Тутъ голландцы вообразили, что находятся недалеко отъ „мыса Табинъ“, который, по слухамъ, считался „восточнымъ концомъ Азіи.“ За нимъ,—думали они,—берегъ поворачиваетъ на югъ, стало быть, до Китая и Индіи недалеко. Одинъ взглядъ на карту сѣверныхъ береговъ Азіи докажетъ намъ, какъ глубоко заблуждались мореплаватели, но дорога къ истинѣ усыпана заблужденіями, и если бы всѣ трудности были всегда извѣстны напередъ, то, съ увѣренностью можно сказать, люди испугались бы предстоявшихъ имъ усилій и не дерзали бы ни на какія предпріятія. Окрыленные надеждами мореплаватели вернулись назадъ и предъявили свои находки. Плаваніе ихъ произвело большое впечатлѣніе. Всѣмъ казалось, что Голландія стоитъ на порогѣ великихъ открытій, стоитъ сдѣлать еще нѣсколько усилій, и передъ ней откроется новое поприще: корабли поплывутъ съ товарами, вернутся съ сокровищами, въ страну польется золотой потокъ, какъ это было съ Португаліей и Испаніей послѣ открытія заморскихъ странъ. И вотъ голландское правительство назначило въ помощь частнымъ предпринимателямъ большую сумму денегъ для снаряженія цѣлыхъ семи кораблей. Тяжело нагруженные разнообразными товарами суда вышли 12 іюля 1595 г. изъ гавани при торжествующихъ кликахъ восторженно провожавшей ихъ толпы народа. Случилось то, чего и слѣдовало ожидать. Спустя недолгое время эскадра вернулась назадъ съ

поврежденными кораблями, лишившись многихъ людей, павшихъ жертвою цынги и невыносимыхъ лишеній, не достигнувъ ровно никакихъ результатовъ. Разочарованіе было полное: никто, а тѣмъ болѣе правительство не хотѣло дать ни копейки на продолженіе изслѣдованій, но, чтобы не обезкуражить людей и не бросать предпріятія, на которое было потрачено столько усилій и денегъ, оно назначило большую денежную награду и обѣщало широкія привилегіи тому лицу или компаніи купцовъ, кому первому удастся открыть сѣверо-восточный проходъ въ Китай. Только благодаря этому обстоятельству могла состояться *третья* голландская экспедиція, закончившаяся открытіями и знаменитой зимовкой Баренца на Новой Землѣ.

Предпріятіе это стоило Баренцу и многимъ изъ его спутниковъ жизни, оно не принесло владѣльцамъ кораблей ничего, кромѣ убытковъ, оно окончилось полной неудачей, потому что голландцы проникли въ этотъ разъ на востокъ не дальше, чѣмъ въ предъидущія плаванія, и тѣмъ не менѣе описаніе всѣхъ невзгодъ, какія вынесли несчастные путешественники на пустынной землѣ, заключало столько новаго, неслыханнаго, необычайнаго, что книгу спутника Баренца, Де-Вера, читали и перечитывали много разъ, не переставая удивляться всѣмъ диковинамъ полярнаго міра, съ природой котораго просвѣщенные европейцы знакомились теперь впервые. Намъ трудно себѣ представить, какое громадное впечатлѣніе производитъ на человѣческую мысль *правдивое* описаніе незнакомыхъ явленій природы. Извѣстно, что любопытство человѣческое падко до всего новаго. Посмотрите, какъ легко люди, особенно необразованные, вѣрятъ всякимъ небылицамъ и чудесамъ! Они удивляются, восторгаются, обсуживаютъ и пересуживаютъ

ваютъ услышанное много разъ, но безъ всякаго успѣха или результата, потому что во всѣхъ такихъ случаяхъ мысли не за что уцѣпиться; она не можетъ работать дальше, дѣлать вѣрные выводы и облегчать этимъ путемъ новыя открытія въ наукѣ. Совсѣмъ другое случается, когда необычайное есть въ то же время правда. Въ этомъ случаѣ увлеченное любопытствомъ сознаніе человѣческое задаетъ себѣ цѣлый рядъ вопросовъ, что, какъ и почему; оно ищетъ отвѣтовъ себѣ въ области уже извѣстнаго, и, когда не находитъ ихъ, то стремится разрѣшить недоумѣніе новыми изслѣдованіями, наблюденіями и опытами. Вотъ почему первое основательное знакомство ученыхъ съ полярной природой возбудило множество вопросовъ, на которые въ то время однако не находили еще отвѣтовъ. Но любопытство было задѣто, а это главное.

20 Мая 1596 г. два судна подъ командой Баренца покинули гавань Амстердама. Такъ какъ Баренцъ взялъ на этотъ разъ очень сѣверный курсъ, то вскорѣ открылъ подъ $74^{\circ}30'$ с. ш. группу „Медвѣжьихъ острововъ“ ¹⁾, а вскорѣ затѣмъ еще болѣе значительный полярный архипелагъ, получившій впослѣдствіи названіе Шпицбергена. 27 іюля Баренцъ увидѣлъ передъ собою берегъ. Это была уже извѣстная ему Новая Земля. Суда съ трудомъ пробирались по усѣянному ледяными глыбами морю и не разъ принуждены были причаливать къ льдинамъ въ ожиданіи минуты, когда ледъ разойдется и очиститъ дальнѣйшій путь. 25 августа матросы увидѣли съ вершины одного островка открытую воду на сѣверѣ. Не теряя времени, Баренцъ направился туда и такимъ образомъ благополучно обогнулъ Новую Землю съ сѣвера. Но проникнуть дальше на востокъ не было

¹⁾ Названы такъ по причинѣ убитаго здѣсь бѣлаго медвѣдя.

никакой возможности. Сколько разъ судно устремлялось въ узкіе протоки, открывавшіеся между необозримыми ледяными полями, когда вѣтеръ или теченіе раздвигали ихъ! Сколько разъ сдвигавшіеся края льдинъ грозили раздавить корабль, какъ орѣховую скорлупу! Все было пустынно. Но когда Баренцъ съ тяжелымъ чувствомъ разочарованія повернулъ назадъ, чтобы пуститься въ обратный путь, было уже поздно. Суда оказались запертыми въ бухтѣ восточнаго берега Новой Земли. Напиравшіе съ моря льды притиснули ихъ къ берегу, высоко взгромоздили на воздухъ, сильно помяли и сломали руль. Не оставалось ничего другого, какъ поспѣшно снести самыя необходимыя вещи и запасы на берегъ, прежде чѣмъ неумолимый ледъ поглотитъ суда. Такимъ образомъ одинокая кучка людей очутилась на пустынномъ берегу вдаль отъ всякихъ населенныхъ мѣстъ, отрѣзанная отъ нихъ замерзшимъ моремъ, готовая встрѣтить быстро надвигающуюся зиму. Многочисленные слѣды дикихъ сѣверныхъ оленей и груды древесныхъ стволовъ, которые морскія волны накидали по всему побережью этого совершенно лишеннаго лѣса острова, внушали оробѣвшимъ было морякамъ увѣренность, что по крайней мѣрѣ они не останутся безъ пищи и топлива. Они собрали громадную кучу дровъ на зиму и изъ лучшихъ бревенъ спѣшно принялись строить избу, которую закончили къ концу октября. Зима 1596—97 г., которую Баренцъ и 16 его спутниковъ провели на Новой Землѣ, представляла собою непрерывную цѣпь лишеній, опасностей и всевозможныхъ страданій, которыя путешественники вынесли болѣе или менѣе благополучно лишь благодаря мужеству и непоколебимому терпѣнію. Зимовка эта особенно замѣчательна потому, что европейцы познакомились со всѣми ужасами

полярной зимы впервые: вѣдь въ то время никто вообще не представлялъ себѣ самой возможности перенести долгій ужасающій холодъ подъ покровомъ сплошной ночи.

Солнце появилось въ послѣдній разъ, выглянувъ на мгновеніе изъ подъ горизонта 14 ноября. Вмѣстѣ

Зимовка Баренца. (Внутренность хижины).

съ солнцемъ куда то исчезли бѣлые медвѣди, за которыми голландцы охотились все время; вмѣсто нихъ появились во множествѣ песцы, ихъ ловили западнями и употребляли въ пищу. Капитанъ старался поддерживать въ своихъ товарищахъ бодрость духа дѣятельнымъ образомъ жизни, охотой, а когда она надоѣдала,

то устраивались пирушки, за которыми каждый по очереди долженъ былъ увеселять все общество. У Баренца не было термометра, но по нѣкоторымъ замѣткамъ, сохранившимся въ описаніи этой зимовки, можно заключить, что зима того года отличалась необычайной суровостью. Вьюги наметали такія груды снѣга, что хижина исчезала въ массѣ его; не разъ единственнымъ выходомъ наружу служила для заключенныхъ въ ней людей дымовая труба. Въ заботахъ о поддержаніи чистоты Баренцъ устроилъ изъ большой бочки нѣчто вродѣ бани и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ люди возможно чаще пользовались ею. Зима тянулась томительно долго. Первые признаки весны стали обнаруживаться лишь въ началѣ мая—7 числа возлѣ хижины показалась первая птичка. Такъ какъ судно сильно пострадало въ теченіе зимы отъ напора ледяныхъ глыбъ, то единственнымъ средствомъ вернуться домой являлись двѣ большихъ лодки, которыя предстояло еще починить. Цынга настолько изнурила людей, что работа эта подвигалась впередъ очень медленно; вѣдь и число работниковъ сократилось—въ началѣ февраля умерло двое матросовъ, а когда 23 іюня все было готово къ отплытію, самъ Баренцъ оказался до того слабъ, что его внесли въ лодку на рукахъ. Онъ умеръ въ морѣ спустя недѣлю, 30 іюня, на льдинѣ, куда команда вытащила лодку, спасаясь отъ плавающихъ глыбъ. Въ тотъ же день скончался еще матросъ, 15 іюля другой. Подобно выходцамъ съ того свѣта блуждали блѣдные призраки людей въ своихъ утлыхъ посудинахъ по усѣянному льдинами морю. Однако мужество и надежда не покидали ихъ, и они плыли на югъ, все время держась восточнаго берега. 7 августа страданіямъ и страхамъ пришелъ конецъ: голландцы встрѣ-

тили въ морѣ двѣ лодки русскихъ промышленниковъ, которые доставили ихъ въ Колу, откуда они вернулись на одномъ голландскомъ суднѣ домой.

Описаніе удивительной зимовки, которое составилъ Де-Веръ, заключало въ себѣ столько любопытнаго, даже невѣроятнаго для тогдашняго читателя, что не разъ возникали сомнѣнія, правда ли все это. Книгу перевели на многіе языки. Подобно сочиненію Марка Поло, представившаго 200 лѣтъ до этого первое подробное описаніе восточныхъ странъ, книга Де-Вера являлась одно время самымъ популярнымъ сочиненіемъ. Любопытно, что всякія сомнѣнія въ правдивости ея были разсѣяны лишь 275 лѣтъ спустя, можно сказать, въ наше время. Именно въ 1871 г. норвежскій капитанъ Карлсенъ въ поискахъ за тюленями попалъ на сѣверо-восточный берегъ Новой Земли. Судно его бросило якорь въ одной маленькой бухтѣ. Вскорѣ Карлсенъ сдѣлалъ на берегу удивительное открытіе. Гуляя какъ то по сушѣ, онъ приблизился къ какому то полуразвалившемуся строенію, которое казалось давно покинутымъ, такъ какъ во внутренности его накопилось много льда и мусора. Въ этомъ мерзломъ мусорѣ Карлсенъ откопалъ множество вещей: посуду, книги, ящики, оружіе,—которыя не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь находилось зимовье Баренца. Тутъ оказались и большіе стѣнные часы, которые висѣли на стѣнѣ зимовья, и къ которымъ Баренцъ самъ придѣлалъ боевой механизмъ, большой котелъ, бочка, служившая голландцамъ баней, алебарды—словомъ, множество вещей, о которыхъ упоминалось въ описаніи Де-Вера. Въ числѣ книгъ оказалось сочиненіе Мендозы—„Исторія Китая“.

Всѣ, даже металлическіе предметы сохранились бла-

году холоду настолько неприкосновенными, точно их только вчерашній день оставили здѣсь. Такова ужъ особенность полярныхъ странъ. Когда послѣ таинственной гибели экспедиціи Франклина производились поиски за исчезнувшими членами ея, то однажды наткнулись на лодку, въ которой лежали завернутые въ одежду два скелета и разныя вещи, указывавшія, что несчастные легли спать да и замерзли; между прочимъ тутъ же стояло прислоненное къ борту лодки ружье *со взведенными курками*, которое покойники оставили наготовѣ на случай появленія бѣлаго медвѣдя или другого какого нибудь звѣря. По разнымъ соображеніямъ можно было заключить, что къ лодкѣ этой въ теченіе около 10 лѣтъ не подходило ни одно живое существо! Можетъ быть, ружье простояло бы такъ сотни лѣтъ! Полярныя страны—громадная усыпальница, погребъ, въ которомъ, благодаря холоду, нѣтъ тлѣнія, нѣтъ ржавчины и порчи.

Кругомъ открытой Карлсеномъ развалины валялись груды костей оленей, медвѣдей, тюленей и моржей. Находка была до такой степени интересна, что ее раскапывали еще два раза: въ 1875 и 76 г.г., причемъ, между прочимъ, нашли пороховницу, въ которой лежалъ собственноручно написанный Баренцомъ отчетъ о судьбѣ его экспедиціи.

Послѣ замѣчательнаго плаванія Баренца голландцы, несмотря на все новыя и новыя неудачи, упорно продолжали отыскивать сѣверо-восточный проходъ. Вѣра въ достижимость этой цѣли какъ будто не угасала, вѣроятно, потому, что была основана на невѣжествѣ, а извѣстно, что невѣжество источникъ всякаго легковѣрія. Одна экспедиція, которая выступила въ путь въ 1666 г., даже везла съ собой письмо на еврейскомъ

языкъ на тотъ случай, если мореплаватели встрѣтятъ на пути 10 колѣнъ израилевыхъ, которыя будто бы томятся гдѣ то въ заточеніи въ восточной сторонѣ земли. Кромѣ голландцевъ попытки въ этомъ направленіи дѣлали также датчане; англичане тоже было возобновили ихъ въ 1667 г., но безуспѣшно.

Полярная природа сѣверной Азіи и Европы стала обнаруживаться въ истинныхъ чертахъ только послѣ изслѣдованій русскихъ. Сперва это были промышленники, какъ напр., Родивонъ Ивановъ, а потомъ ученые изслѣдователи, которые посылались на казенный счетъ, чтобы описать мѣстность, снять ее на карту и изслѣдовать, нѣтъ ли тамъ полезныхъ ископаемыхъ. Русскихъ экспедицій было много, въ числѣ ученыхъ находились и иностранцы. Муравьевъ и Павловъ, Юшковъ, Лоткинъ, лейтенантъ Размысловъ, горные инженеры Лудловъ и Пospѣловъ, лейтенантъ Лазаревъ, Лютке, лейтенантъ Пахтусовъ, фонъ Беръ, Крузенштернъ—вотъ имена изслѣдователей, которые трудились въ этихъ мѣстахъ въ теченіе почти полутора столѣтій (отъ 1734 до 1860 г.). Съ теченіемъ времени цѣль, къ которой такъ упорно стремились голландцы, англичане, норвежцы и датчане, именно открытіе сѣверо-восточнаго прохода въ Китай, потеряла всякій смыслъ. Парусныя суда и пароходы бороздили уже всѣ океаны и моря; голландцы, а потомъ англичане овладѣли заморскими колоніями португальцевъ и испанцевъ, такъ что надобность въ какомъ нибудь окольномъ пути потеряла въ ихъ глазахъ всякое значеніе. Уже приступлено было къ прорытію Суэцкаго перешейка съ цѣлью сократить морской путь изъ Европы въ Азію, множество судовъ перевозило цѣнные грузы въ оба конца, восточныя страны какъ бы приблизились къ

Европѣ и перестали быть предметомъ сказочной фантазіи. И вотъ въ это время внезапно всплылъ старый планъ обогнуть Азію съ сѣвера и достигнуть береговъ Китая по сѣверному полярному морю. Но въ этотъ разъ замыселъ родился и созрѣлъ не въ головѣ промышленника и купца, гнавшихся за выгодой и наживой, а въ головѣ замѣчательнаго ученаго, воображеніе котораго было увлечено своеобразной поэзіей полярныхъ странствій, какъ это случается почти со всякимъ, кому удавалось перешагнуть за порогъ величественнаго царства холода, вѣчныхъ льдовъ и пустыннаго безмолвія. Задачу эту взялся выполнить Норденшильдъ. Онъ и выполнилъ ее, притомъ съ легкостью и простотой, которыя всегда являются спутниками знанія и генія. Наука не преслѣдуетъ цѣлей наживы, но изъ этого не слѣдуетъ, что между знаніемъ и практическими требованіями жизни нѣтъ никакой связи. Напротивъ, потребности человѣка привлекаютъ къ себѣ вниманіе науки и часто ставятъ на разрѣшеніе ея опредѣленныя задачи. Но мысль ученаго увлекается, она залетаетъ гораздо дальше и уносится за предѣлы простыхъ выгодъ. Она безкорыстно открываетъ новыя истины, новыя области изслѣдованія. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Съ 1860 г. добыча, которою промышленяли норвежцы на Шпицбергенѣ (олени, тюлени, моржи), стала замѣтно убывать. Необходимо было найти новыя, еще непочатыя мѣста, иначе промышленниковъ ждало разореніе. Съ этою именно цѣлью норвежцы обратили свое вниманіе на восточныя части полярнаго моря и принялись за поиски тамъ. Капитанъ Карлсенъ, открывшій на Новой Землѣ остатки Баренцова зимовья, былъ однимъ изъ такихъ піонеровъ. Вскорѣ выяснилось, что лучшимъ временемъ для плаванія въ этихъ моряхъ является не

раннее лѣто или середина его, какъ ошибочно полагали раньше, а конецъ лѣта и даже поздняя осень. Только въ эту пору года ледяныя поля разрываются на куски, ломаются, таютъ, оставляя свободное пространство открытаго моря. Оказывалось, что Карское море, которое фонъ-Беръ сравнивалъ съ громаднымъ погребомъ, куда вѣтры и теченія нагоняютъ груды льда, запирая такимъ образомъ всякій доступъ къ открытымъ лѣтомъ отъ льда устьямъ Оби и Енисея, вовсе не такъ страшно и непроходимо. Это неожиданное открытіе представляло чрезвычайную важность не только для Норвегіи, но также и для Сибири. Великій Сибирскій желѣзнодорожный путь еще не былъ проложенъ. Громадный и богатый край, начавшій усиленно заселяться, страдалъ отъ дороговизны предметовъ самой первой необходимости, которые невозможно было доставлять туда иначе, какъ на возахъ и по дорогой цѣнѣ. Между тѣмъ, если бы плаваніе по Карскому морю оказалось возможнымъ, то Обь, Енисей, даже Лена представляли бы лѣтомъ великолѣпныя дороги, по которымъ нѣсколько большихъ пароходовъ могли бы въ 1—2 мѣсяца дешево снабдить чуть ли не всю Сибирь всѣмъ, въ чемъ страна нуждалась. Мысль эта улыбалась одинаково какъ норвежскимъ, такъ и нѣкоторымъ сибирскимъ капиталистамъ, которые готовы были доставить средства тому, кто взялся бы доказать осуществимость подобныхъ плаваній. Этимъ человѣкомъ явился Норденшильдъ. Знаменитаго ученаго интересовала полярная природа, съ которою онъ познакомился въ прежнія свои путешествія на Шпицбергенъ и по Сибири; въ этой области онъ надѣялся найти разрѣшеніе многихъ вопросовъ изъ жизни земного шара и собрать путемъ наблюденій много новаго и интереснаго мате-

ріала. Но большая, хорошо обставленная экспедиція требовала средствъ. Гдѣ же взять эти средства, если до сихъ поръ даже самые просвѣщенные народы удѣляютъ на собственное образованіе и на развитіе научныхъ знаній ничтожныя деньги, растрачивая груды богатствъ на кровопролитныя войны, на приготовленія къ еще болѣе кровавымъ бойнямъ, на угнетеніе менѣе

Норденшильдъ.

цивилизованныхъ народовъ, на безумную роскошь и удовольствія богатыхъ или знатныхъ сословій. Выгоды, которыя сулило предпринимателямъ открытіе морского пути къ устьямъ Оби и Енисея, помогли Норденшильду заинтересовать въ своемъ планѣ какъ правительство, такъ и многихъ богатыхъ частныхъ лицъ, покровительствовавшихъ наукѣ.

Можетъ быть вы хотите знать, кто такой былъ самъ Норденшильдъ? Біографія этого ученаго не блещетъ геройскими подвигами. Онъ стяжалъ себѣ извѣстность не какимъ нибудь однимъ великимъ открытіемъ, а обширностью своихъ познаній, которыя примѣнялъ съ увлеченіемъ настоящаго энтузіаста въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія. Адольфъ Эрикъ Норденшильдъ по мѣсту своего рожденія долженъ былъ принадлежать Россіи, если бы въ ту мрачную эпоху, когда онъ родился и получалъ образованіе, наука и образованіе не составляли бы въ нашемъ отечествѣ предмета ожесточенныхъ преслѣдованій. Норденшильдъ родился въ 1832 г. въ Гельсингфорсѣ, въ Финляндіи, въ самой благопріятной обстановкѣ для своего дальнѣйшаго развитія. Отецъ его былъ минералогъ и занималъ должность главнаго начальника всего финскаго горнаго управленія. Такимъ образомъ самая обстановка дѣтства и юности, протекавшихъ среди научно-образованныхъ людей, направляла интересы даровитаго мальчика въ сторону развитія интереса къ естествознанію. Въ Гельсингфорскомъ университетѣ Норденшильдъ изучалъ физику, химію, математику и въ 1853 г. совершилъ научно-путешествіе на Уралъ. Уралъ, Зауралье, особенно Сибирь притягивали его обширностью малоизслѣдованаго поля знанія и, если бы условія русской дѣйствительности были благопріятнѣе, Россія нашла бы въ немъ выдающагося ученаго, который посвятилъ бы свои силы изнанія ей. Но обстоятельства сложились совсѣмъ иначе. По возвращеніи въ Гельсингфорсѣ Норденшильдъ занялъ должность въ тамошнемъ университетѣ, но вскорѣ лишился не только мѣста, но и отечества вслѣдствіе столкновенія съ тогдашнимъ генераль-губернаторомъ Финляндіи,

графомъ Бергомъ. Его сперва исключили со службы, а затѣмъ предписали выѣхать вонъ изъ самой Финляндіи. Норденшильдъ переселился въ Швецію, которая явилась для него новымъ отечествомъ, и ей же принадлежитъ слава, окружающая его имя, какъ знаменитаго ученаго.

Въ натурѣ Норденшильда талантъ и способность къ усидчивой кабинетной работѣ сочетались удивительнымъ образомъ съ энтузіазмомъ путешественника, не отступающаго ни передъ какими лишеніями и опасностями. Занимая отвѣтственную должность, много работая въ наукѣ, Норденшильдъ успѣлъ совершить въ промежутокъ 1860—76 г. не менѣе семи полярныхъ путешествій и плаваній. Гренландія, Шпицбергенъ, Полярный океанъ, наконецъ, Сибирь и прилегающія къ ней моря—вотъ арена его странствій. Въ 1875 г. Норденшильдъ совершилъ свое первое плаваніе черезъ Карское море къ устью Енисея. Въ 1876 г. онъ повторилъ его съ цѣлью доказать, что успѣшное плаваніе прошлаго года не явилось счастливой случайностью. Оба плаванія произвели впечатлѣніе въ промышленныхъ кругахъ. Возможность судоходства и торговыхъ сношеній съ Сибирью была доказана. Но въ то время какъ капиталисты оживленно обсуждали выгоды новыхъ предпріятій, мысль Норденшильда работала уже надъ новымъ планомъ. Если въ теченіе нѣсколькихъ недѣль между Новой Землей и устьемъ Енисея простирается полоса свободнаго отъ льда моря, то не продолжается ли этотъ временный каналъ дальше на востокъ до самаго Берингова пролива? Не открывается ли этимъ возможность проплыть этимъ путемъ и подвергнуть всестороннему изученію необозримое побережье полярной Азіи? Вотъ планъ, надъ осуществле-

ніемъ котораго мысль ученаго работала съ лихорадочнымъ увлеченіемъ, не покидавшимъ его въ года, когда самыя физическія силы организма начинаютъ слабѣть и даже совсѣмъ отказываются служить.

Вскорѣ выяснилось, что задуманная Норденшильдомъ экспедиція можетъ осуществиться. Шведскій король, который интересовался научными вопросами, предложилъ Норденшильду прочесть у себя во дворцѣ докладъ и пригласилъ на него лицъ, которыя могли бы оказать задуманному предпріятію поддержку своими средствами или вліяніемъ. Разсчеты короля оправдались вполнѣ. Онъ самъ первый подписалъ значительную сумму для уплаты издержекъ экспедиціи. Слѣдуя его примѣру, очень крупную сумму внесъ богатый фабрикантъ Диксонъ, а недостававшую еще сумму взялся покрыть богатый сибирскій золотопромышленникъ Сибиряковъ. Такимъ образомъ самое необходимое—средства оказались на лицо, и теперь оставалось лишь приступить къ приготовленіямъ, т.-е. купить подходящее судно, подобрать годныхъ и талантливыхъ помощниковъ, позаботиться о наилучшемъ снаряженіи. Объ этомъ легко говорить, но гораздо труднѣе выполнить.

Къ счастью, прежнія полярныя путешествія доставили Норденшильду такой громадный опытъ и столько знакомствъ среди людей, имѣющихъ отношеніе къ полярному міру, что ему не доставило большихъ затрудненій выбрать и пригласить себѣ сотрудниковъ. Ученые, въ числѣ которыхъ имѣлись спеціалисты по разнымъ наукамъ, какъ-то: ботаникъ, зоологъ, физикъ, метеорологъ и врачъ, и офицеры, заботамъ которыхъ было поручено судно, составили небольшой, дружный штабъ въ 9 человѣкъ. Для управленія судномъ и для грубыхъ работъ были вызваны 21 человѣкъ доброволь-

цевъ изъ рядовъ шведскаго флота, такъ что весь экипажъ насчитывалъ ровно 30 чел. Труднѣе было выбрать судно. Но и въ этомъ случаѣ Норденшильдъ посчастливилось: ему удалось купить недавно построенный специально для китобойнаго промысла въ ледяныхъ моряхъ небольшой, но крѣпкій пароходъ, называвшійся „Вега“, который такъ-же свободно ходилъ подъ парусами, какъ подъ паромъ. Его оставалось только приспособить къ цѣлямъ экспедиціи, т.-е. устроить каюты, мастерскія и кладовыя такъ, чтобы при зимовкѣ команда возможно меньше страдала отъ холода и сырости. Что касается запасовъ, которыхъ взяли на 2 года, то въ этомъ дѣлѣ Норденшильдъ примѣнилъ всѣ свои познанія и указанія опыта. Извѣстно, что бичемъ полярныхъ путешественниковъ является обыкновенно болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ цынги или скорбута. Причиной ея бываетъ чаще всего однообразная пища, не удовлетворяющая потребностямъ организма. Опытъ показалъ, что лучшимъ средствомъ противъ нея служить свѣжіе или даже консервированные овощи и фрукты, особенно тѣ, въ которыхъ заключаются разныя кислоты. Затѣмъ лучшимъ средствомъ противъ цынги являются свѣжій воздухъ въ каютахъ, чистота и дѣятельный образъ жизни. Обо всемъ этомъ надо было подумать, все надо было предвидѣть и предусмотрѣть. Не меньше вниманія требовали къ себѣ одежда, вооруженіе, научные инструменты, карты и книги. Кромѣ того, трюмъ „Веги“ набили большимъ количествомъ каменнаго угля.

Обиліе груза вызвало, конечно, глубокую осадку судна, а такъ какъ сѣверныя моря, насколько было извѣстно, отличаются своимъ мелководіемъ, то обстоятельство это вызывало опасеніе, какъ бы „Вега“, на-

бѣжавши гдѣ нибудь въ неизвѣстной части моря на отмель, не засѣла бы въ ней навѣки въ случаѣ, если ни машина, ни экипажъ не окажутся въ состояніи высвободить ее. Во избѣжаніе подобнаго несчастія Сибиряковъ предложилъ Норденшильду небольшой пароходъ „Лену“, который долженъ былъ сопровождать „Вегу“ до устья той величественной сибирской рѣки, имя которой пароходикъ носилъ. Кромѣ него „Вегу“ сопровождало еще два парохода, которые были нагружены разными товарами и должны были, слѣдуя за ней, достигнуть Енисея, войти и подняться по рѣкѣ, чтобы свалить свой грузъ въ какомъ-нибудь сибирскомъ городкѣ и взамѣнъ его насыпаться сибирскимъ зерномъ. Такимъ образомъ болѣе чѣмъ на полпути своего плаванія „Вега“ имѣла провожатыхъ.

ГЛАВА II.

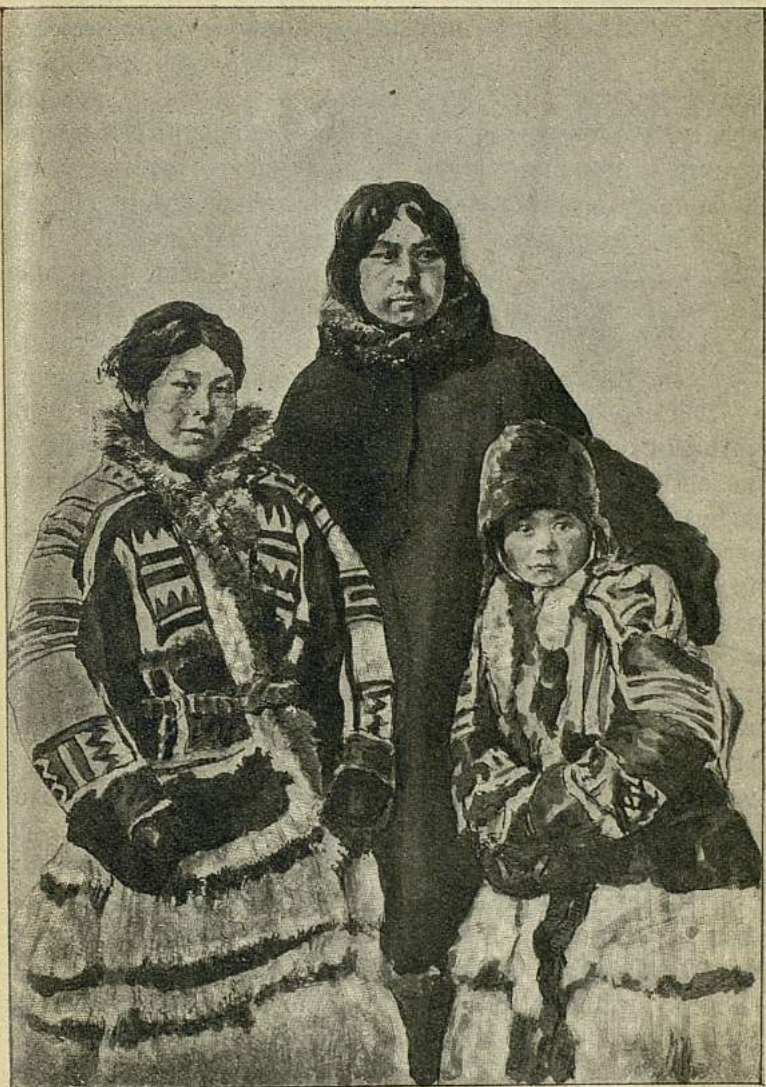
„Вега“ въ морѣ.—Буря.—Прибытіе въ Хабарово.—Тундра.—Самоѣдскіе идолы и мольбища.

22-го іюня 1877 г., въ полдень, „Вега“ развела пары, подняла якорь и двинулась изъ шведской гавани Карлскроны. День былъ солнечный, на берегу всюду, гдѣ было хоть сколько-нибудь мѣста, толпились люди, провожавшіе отправлявшихся въ неизвѣстный путь плавателей громкими криками. Всѣ суда расцвѣтились флагами, съ крѣпостныхъ валовъ гремѣлъ салютъ, и по мѣрѣ того, какъ машина развивала свою скорость, берегъ уходилъ изъ глазъ, пока не превратился въ узенькую полоску. Еще послѣдній долгій взглядъ назадъ—и послѣдняя тѣсная связь съ родиной порвана. Мысли всѣхъ невольно обращаются къ настоящему,

тѣмъ болѣе, что не все на суднѣ въ порядкѣ—надо устраиваться въ новой обстановкѣ для новой жизни. Не будемъ описывать путь „Веги“ по Балтійскому морю и плаваніе вдоль береговъ Норвегіи. Въ гавани Тромсѣ „Вега“ пополнила свои запасы, приняла на бортъ приказчика Сибирякова Серебряникова и пустилась далѣе на сѣверъ, огибая сѣверную точку Европы.

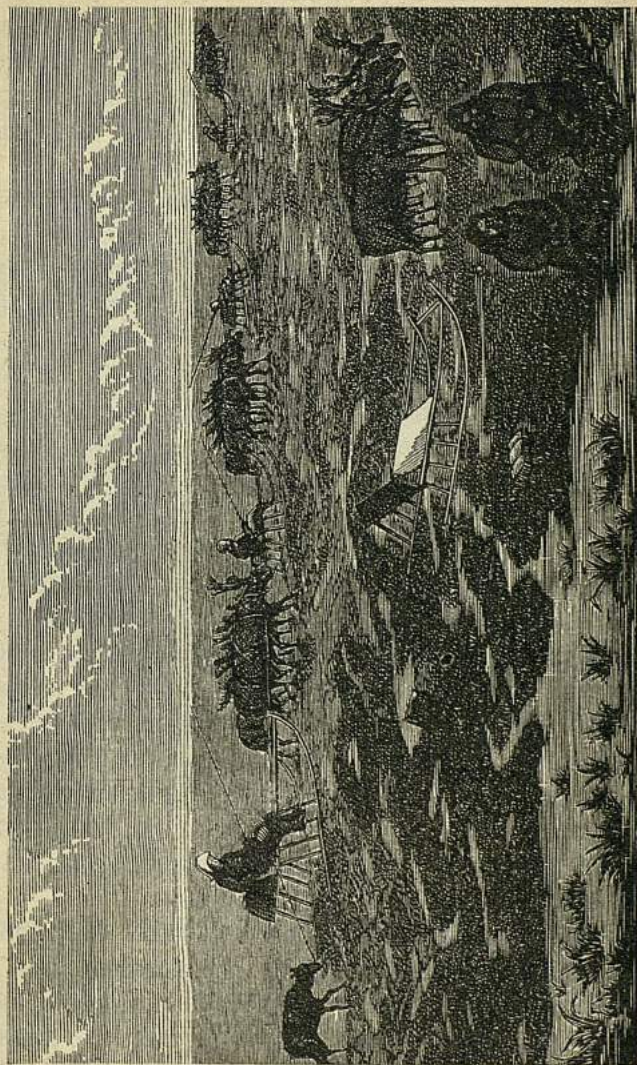
Полярное море встрѣтило корабли непривѣтливо. Сильная продолжительная буря раскидала суда, которыя потеряли другъ друга изъ вида и продолжали свой путь каждое самостоятельно. „Вега“, подвигаясь на востокъ, увидала вскорѣ низкій плоскій берегъ, весь усеянный стаями птицъ, а за нимъ подымались вдали голыя скалы и холмы. Это была Гусиная земля, большой полуостровъ Новой Земли, получившій свое названіе отъ русскихъ промышленниковъ за несмѣтное количество разной водяной птицы, которая прилетаетъ сюда на лѣто выводить птенцовъ. Нѣсколько времени спустя судно бросило якорь на мелкомъ рейдѣ при входѣ въ Вайгачскій проливъ, у небольшого селенія Хабарова, единственнаго населеннаго пункта на всемъ этомъ пустынномъ побережьи. Здѣсь было рѣшено ожидать остальныхъ суда и собрать свѣдѣнія, въ какомъ положеніи находится Карское море, покрыто ли оно еще сплошнымъ льдомъ, или уже успѣло очиститься настолько, что открывалась возможность проложить себѣ дорогу далѣе къ сибирскимъ берегамъ.

Нѣсколько дней, которые „Вега“ провела въ вынужденномъ покоѣ, не пропали даромъ для ея пассажировъ. Земля, лежавшая передъ ними, низкая тундра, одѣтая въ убогую роскошь лѣтняго наряда, привлекла общее вниманіе. Ботаникъ съ увлеченіемъ собиралъ представителей скромной флоры, радуясь всякому скромному цвѣтку,

Семья самоѣдовъ.

зоологъ подстрѣливалъ для коллекціи птицъ и звѣрковъ, вымѣнивалъ шкуры, хлопоталъ о скелетахъ, остальные же члены экспедиціи съ Норденшильдомъ во главѣ знакомились съ обитателями селенія, которое представляло въ эту пору года оживленный видъ по причинѣ ярмарки. Пусть не подумаетъ читатель, что Хабарово представляетъ дѣйствительно нѣчто вродѣ селенія, къ какимъ мы привыкли. Эта „столица“ или вѣрнѣе „главный портъ“ большеземельской Самоѣдіи не болѣе, какъ собраніе немногочисленныхъ хижинъ, которыя нельзя иначе назвать, какъ жалкими лачугами. Подъ стать имъ убогая часовня, мрачная и сырая внутри, съ болѣе чѣмъ скромнымъ убранствомъ, въ которой пріѣзжій священникъ отправляетъ службы и требы по желанію собравшейся паствы. Обитатели Хабарова, ихъ жизнь и дѣятельность до нельзя занимали путешественниковъ, которымъ жители полярныхъ областей были знакомы по другимъ странамъ, какъ напр., Лапландія и Гренландія. Обширное пространство сѣверо-восточной Европы занято тундрами, то есть низменной или слабо-волнистой равниной, главная особенность которой заключается въ томъ, что на ней по причинѣ вѣчно мерзлой почвы не растетъ лѣсъ. Можно проѣхать сотни верстъ и не встрѣтить ни одного дерева. Моховыя поляны, лишайники, кочковатыя пространства со множествомъ лужъ и озерцъ, поросшихъ болотными растеніями, махонькія, карликовыя деревца съ отмерзшей верхушкой и вѣтками, которыя стелются, прижимаясь къ землѣ,—вотъ видъ тундры лѣтомъ. Надъ ней виситъ низкое сѣрое небо, часто набѣгаетъ и долго лежитъ густой молочный туманъ. Тучи комаровъ и мошекъ цѣлыми столбами пляшутъ въ воздухъ и мгновенно накрываютъ всякую живую тварь сплошной,

Тундра лѣтомъ.

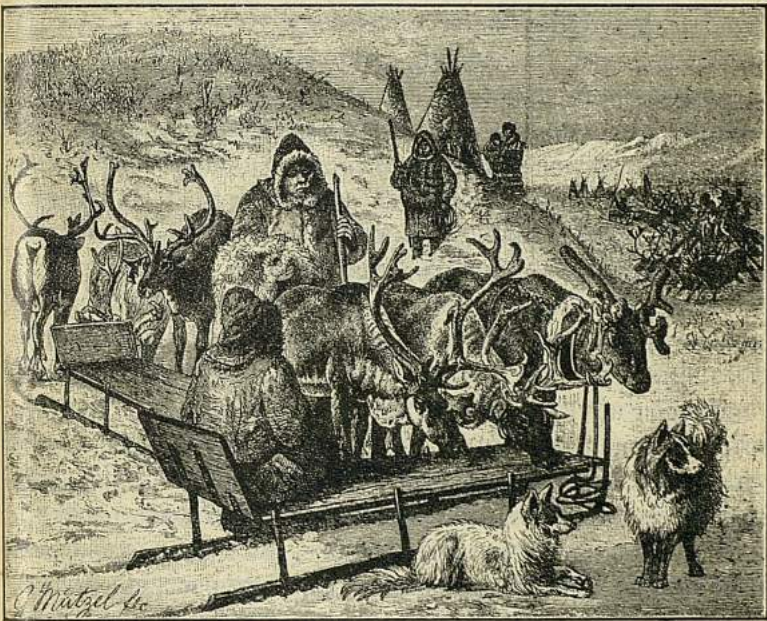
шевеливающейся пеленой. Скромные цвѣтки, выглядывающіе изъ подушекъ мха, и стаи птицъ, гомозящихся съ громкими криками на водахъ, оживляютъ эту картину, созерцаніе которой нагоняетъ на человѣка, выдавшего лучшій мѣста, тупую тоску и желаніе выбраться поскорѣе изъ этого гиблага мѣста.

Въ Европѣ тундра занимаетъ три пространства, которыя называются Канинская тундра, Малая Земля и Большая Земля. Эти тундры раздѣлены рѣками, при томъ очень большими, какъ Мезень, Печора. Рѣки нѣсколько оживляютъ мѣстность уже потому, что склоны ихъ пологихъ долинъ одѣты лѣсомъ, который окаймляетъ оба берега и добирается до самаго моря. Возлѣ рѣки почва оттаиваетъ на большую глубину. Зимой неумолимый вѣтеръ свирѣпствуетъ въ рѣчныхъ долинахъ съ меньшей силой. Этимъ объясняется, что лѣсъ находитъ себѣ здѣсь нѣкоторую защиту и подъ охраной рѣки, какъ бы крадучись, доползаетъ до самаго сѣвернаго края земли.

Европейская тундра, по которой бродили теперь наши изслѣдователи, разстилается дальше на востокъ за Уралъ, захватывая гораздо болѣе обширныя пространства сѣверной Азіи. Непрерывная полоса ея тянется до Берингова пролива. Путешественники заранѣе приучали свой взоръ къ виду пустынной равнины, такъ какъ знали, что въ теченіе всего своего полярнаго плаванія они не встрѣтятъ никакой другой земли.

Казалось, что кромѣ любознательныхъ изслѣдователей, которые являются сюда, приготовившись ко всѣмъ тягостямъ полярнаго существованія, все живое, все, что только можетъ бѣгать, летать, ползать, должно стремиться вонъ изъ этой страны медленнаго умиранія. Долгій зимній холодъ и мракъ, короткое, сырое и сту-

деное лѣто должны были бы, казалось, подавлять всякія проявленія жизни. Однако, на дѣлѣ это далеко не такъ. Оказывается, что здѣсь существуютъ условія, которыя не только не изгоняютъ все живое, а наоборотъ ежегодно привлекаютъ сюда миллионы живыхъ существъ,

Самоѣды и ихъ сани.

которыя стремятся сюда издалека и чувствуютъ себя здѣсь, какъ дома. Для однихъ тундра родина, съ которой они не расстаются никогда, для другихъ она является какъ бы временнымъ очагомъ, возлѣ котораго выводятся и вступаютъ въ міръ новыя поколѣнія ихъ. И не только низкая кочковатая суша, но и море, это

сѣрое полярное море, которое замерзаетъ зимой, превращаясь въ сушу, а лѣтомъ усѣивается цѣлой флотиліей пловучихъ ледяныхъ глыбъ, медленно движущихся къ югу, самое море таитъ въ себѣ огромные запасы пищи, которые поддерживаютъ жизнь множества живыхъ существъ. Въ первое мгновеніе мы поражены этимъ явленіемъ и не въ состояніи объяснить себѣ его. Загадка разрѣшается постепенно.

Наклонитесь къ землѣ, всмотритесь въ этотъ однообразный растительный покровъ, одѣвающий тундру. Кажется, что всѣ эти стебельки мха, лишаяевъ, листочки скромныхъ растений и узловатые, пригнувшіеся къ землѣ вѣтки кустарника не живутъ, а прозябаютъ. На самомъ же дѣлѣ жизнь только приникла къ землѣ, она спряталась, притаилась, ушла внутрь себя и не обнаруживаетъ себя ни формами, ни красками. Но тѣмъ энергичнѣе развивается она внутри себя. Съ того момента, какъ незаходящее солнце надолго прогонитъ мракъ полярной ночи, свѣтъ уже не меркнетъ въ тундрѣ, онъ стоитъ, разлившись надъ землею не яркой, но ровно теплящейся стихіей. День и ночь, непрерывно всѣ 24 часа сутокъ, каждая зеленая клѣточка растенія пьетъ этотъ животворящій свѣтъ, не зная перерыва или сна, въ который погружаются наши растенія ночью, когда въ нихъ замираетъ питаніе. Вѣдь свѣтъ есть именно та сила, съ помощью которой зеленые растенія творятъ въ себѣ вещество, накопляя запасы для роста и для размноженія. Намъ, жителямъ болѣе теплыхъ странъ, холодно въ тундрѣ, мы дрогнемъ въ ней, но наклонитесь, воткните термометръ въ растительный покровъ ея, и вы съ изумленіемъ наблюдаете, какъ ртуть въ немъ подымается на нѣсколько градусовъ выше того, что термометръ показываетъ на воздухѣ.

Приблизьте ладонь къ кучкѣ этихъ растеній, и вы почувствуете, что отъ нея вѣетъ тепло, какъ отъ навоза, который грѣетъ и дымится отъ развивающагося въ немъ тепла въ самый лютый холодъ. И тогда вамъ станетъ понятнымъ, почему тундра такъ быстро просыпается весной, когда еще не вездѣ сошелъ снѣгъ, и поддерживаетъ въ себѣ невидную, но тѣмъ не менѣе могучую растительную жизнь въ теченіе всего лѣта, какъ бы коротко оно ни было. Весной изъ подъ тающего снѣга выглядываютъ миллионы ягодъ, зимовавшихъ подъ холоднымъ покровомъ, какъ въ ледникѣ, сохранивъ свою свѣжесть и сочность. Лужи и озера кишатъ мельчайшими организмами, которые даютъ пищу многочисленнымъ слизнямъ и другимъ низшимъ существамъ. Они замерли зимой на подобіе того, какъ замираютъ зимой мухи, но едва оттаяла вода, какъ они уже закопошились, принялись питаться и размножаться. Отчего такъ радостно гогочутъ гуси, покрывшіе собою сплошь чуть не все озерцо? Почему торжественно, какъ звукъ серебряной трубы, несется крикъ лебедей, усѣвшихся на своихъ высокихъ, подобныхъ маленькому холму гнѣздахъ? Оттого, что послѣ долгихъ дней утомительнаго полета черезъ пустыни, горы и лѣса они рады опуститься на эту унылую равнину, которая течетъ для нихъ млеко и медомъ. А эти кулички, для которыхъ толкущіеся въ воздухѣ комары и мошкара и шмыгающіе по водѣ паучки лакомое блюдо? А разныя чайки, которыя то и дѣло падаютъ на воду и взлетаютъ, быстро уносясь въ сторону съ бьющейся въ цѣпкихъ лапкахъ серебристой рыбой? Полярная сова сидитъ нахохлившись на камнѣ, безучастная къ шумнымъ проявленіямъ окружающей жизни; но она не даромъ ворочаетъ круглыми глазами: вотъ она неслышно, какъ пуховый платокъ, распласталась въ

воздухъ, чтобы схватить эту маленькую мышку, которая надѣялась прошмыгнуть мимо нея къ сосѣдней кочкѣ.

Крупнымъ звѣремъ тундры является прежде всего сѣверный олень. Когда-то оленя въ тундрѣ было

Сѣверный олень.

много, и дикаго и домашняго. И теперь еще въ глухихъ мѣстахъ ея можно встрѣтить небольшіе табуны дикихъ оленей. Зимой, когда море замерзнетъ, они перебираются по льду на острова и островки и нерѣдко остаются тамъ лѣтомъ въ качествѣ

невольныхъ узниковъ, которыхъ море отрѣзало отъ родины. Опустивъ головы съ громадными вѣтвистыми рогами, животныя жадно хватаютъ губами ягель, отдѣляя его цѣлыми прядями и лепешками отъ почвы, съ которой это растеніе связано очень слабо. Стадо быстро подвигается впередъ, но утоляя голодь, животныя чутко прислушиваются; изрѣдка старый олень вожакъ подымаетъ голову и съ шумомъ нюхаетъ воздухъ, не пахнетъ ли съ какой-нибудь стороны непривычнымъ запахомъ, обличающимъ присутствіе врага. Позади стада, вмѣсто пушистаго бѣлаго ковра, остаются плѣшины, почва взрыта копытами, и пройдетъ восемь — десять лѣтъ, прежде чѣмъ пастбище снова покроется слоемъ растительности. Нерѣдко стадо домашнихъ оленей натывается на кости своихъ погибшихъ товарищей. Хорошо, если послѣдніе погибли отъ старости, отъ зубовъ хищниковъ или отъ пули самоѣда. Нерѣдко однако вмѣстѣ съ мохомъ пасущееся животное проглатываетъ истлѣвшіе остатки костей оленей, погибшихъ отъ чумы, и тогда въ короткое время отъ многоголоваго стада остаются нѣсколько тощихъ животныхъ. Чума и ожесточенное истребленіе звѣря человекомъ больше всего способствовали исчезновенію громадныхъ стадъ въ нѣсколько тысячъ, чуть не десятковъ тысячъ головъ, о которыхъ сообщали путешественники прошлаго вѣка.

Близъ береговъ полярнаго моря, куда олени прикочевываютъ съ весны съ единственною цѣлью избавиться отъ тучи мучающихъ ихъ насѣкомыхъ, легкій полетъ которыхъ не въ силахъ бороться съ вѣющимъ съ моря вѣтромъ, ихъ подкарауливаетъ другой врагъ. Этотъ врагъ — бѣлый медвѣдь, настоящій бродяга полярныхъ странъ, такъ какъ онъ не стѣсняется никакими

разстояніями и съ одинаковой легкостью странствуетъ какъ по морю, такъ и по сушѣ. Въ водѣ онъ чувствуетъ сея такъ же свободно, какъ на берегу. Конечно, въ водѣ ему не угнаться за юркимъ тюленемъ, за рыбой; не дерзаетъ онъ также тревожить сонъ свирѣпыхъ моржей, чувствующихъ себя настоящими повелителями царства льдовъ. И рыбу и тюленей онъ ловить съ помощью разныхъ хитростей. Къ такимъ же хитростямъ прибѣгаетъ онъ на сушѣ, куда его загоняетъ голодъ въ такіе мѣсяцы, когда тюлени исчезаютъ, точно по мановенію волшебства, а рыба уходитъ въ глубину. Долго колесить медвѣдь около табуна сѣверныхъ оленей, дѣлая видъ, будто также пасется, стараясь приучить пугливыхъ животныхъ къ своему присутствію. Спутники Норденшильда не разъ наблюдали эти подвохи полярнаго хитреца, которые удаются ему однако въ рѣдкихъ случаяхъ, если напр., ему удастся приблизиться къ молодому телку, легкомысленно отставшему отъ матки и незнакомому еще съ опасностями жизни. Нерѣдко случается, что бѣлый косматый мишка принужденъ поститься въ теченіи долгихъ дней, чуть не недѣль. Тощій и злой шатается онъ по льду, по пустой тундрѣ и готовъ питаться въ такое время самой, казалось бы, неподходящей для него пищей. Убивъ однажды одинокаго тощаго шатуна, путешественники распотрошили его изъ любопытства, съ цѣлью узнать, чѣмъ могъ поддерживать свое существованіе этотъ звѣрь въ тундрѣ, въ которой въ это время года не видно было ни одного живого существа. Къ несказанному удивленію своему они нашли желудокъ его набитымъ мохомъ, тѣмъ самымъ ягелемъ, какимъ питается олень. Кромѣ полупереваренной зелени ни въ желудкѣ, ни въ кишеч-

Бѣлый медвѣдь.

никъ звѣря не оказалось никакихъ слѣдовъ какой-либо другой пищи.

Съ первыми обитателями тундры, принадлежащими къ человѣческому роду, наши путешественники встрѣтились въ Хабаровѣ. Въ іюлѣ и августѣ число обитателей Хабарова увеличивается множествомъ пріѣзжихъ, и тогда въ этой глухой дырѣ „жизнь бьетъ полнымъ ключемъ“, какъ смѣло могъ бы выразиться мѣстный житель, можетъ быть, не выдавшій на своемъ вѣку не то что Архангельска, но даже и уѣзднаго городишки, вродѣ Мезени. На ярмарку въ Хабаровѣ съѣзжаются въ это время изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ цѣлые поѣзды самоѣдскихъ саней, нагруженныхъ всѣмъ, что промышленники добыли, и что они рассчитываютъ обмѣнять на необходимые имъ предметы у плутоватыхъ зырянскихъ и русскихъ торгашей. Послѣдніе являются сюда изъ Пустозерска опять-таки съ караванами саней въ сопровожденіи цѣлыхъ стадъ оленей, чтобы выгодно обмѣнять на порохъ и свинецъ, на дрянныя винтовки, на хлѣбъ, сахаръ, водку и простѣйшей фабрикаціи чашки, горшки, котелки и ситцы запасы ворвани, мѣховъ, моржевыхъ клыковъ, птичьяго пуха и рыбы, которые самоѣдъ скопилъ въ теченіе всей зимы. Живые олени, оленья шкуры и языки также являются предметомъ торга. Нѣтъ ничего любопытнѣе и безобразнѣе картины этой мѣновой торговли, главную роль въ которой играетъ дешевый ромъ и водка съ разными усиливающими ея дѣйствіе примѣсями, вродѣ махорки и купороса. Сцены безобразнаго пьянства, буйства, дракъ и самаго беззастѣнчиваго обмана, какимъ сопровождается ярмарка, дѣйствуютъ на непривычнаго къ нимъ зрителя въ высшей степени тягостно, но въ то же время своеобразныя фігуры всѣхъ этихъ самоѣдовъ,

собранныхъ сюда кто съ Новой Земли или съ Вайгача, кто изъ Малоземельской тундры или даже изъ-за Урала, съ Ямала, всѣ предметы, составляющіе ихъ необходимый домашній обиходъ, возбуждали столько интереса, что Норденшильдъ спѣшилъ воспользоваться невольнымъ пребываніемъ въ Хабаровѣ съ цѣлью изучить ихъ бытъ и собрать возможно болѣе полную кол-

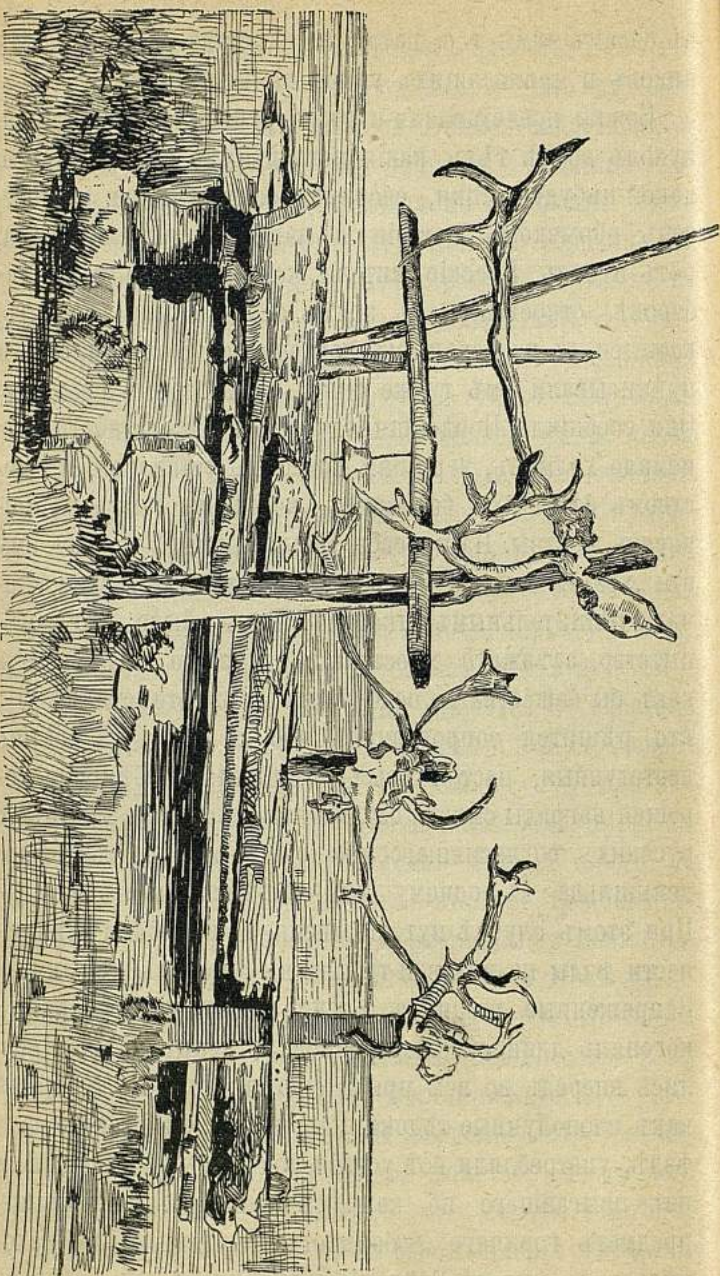
Самоѣды въ тундрѣ.

лекцію одежды, орудій и оружія, также идоловъ для этнографическаго музея въ Стокгольмѣ. Въ этомъ дѣлѣ ученый изслѣдователь наткнулся на многія трудности. Прежде всего самоѣды съ трудомъ продавали что либо на деньги, которыя имѣли въ ихъ глазахъ очень малую цѣну, а товаровъ, которые ихъ привлекали, Норденшильдъ, къ сожалѣнію, съ собой не захватилъ. Деньги можно было замѣнить спиртными напитками, но при-

бѣгать къ этому средству запрещало нравственное чувство. Наконецъ нѣкоторые предметы, именно идоловъ, мѣста своихъ моленій, самоѣды боялись показывать, а тѣмъ болѣе продавать. Всѣ самоѣды считались крещеными, и потому должны были по требованію духовенства исполнять разныя христіанскія обязанности, т. е. крестить новорожденныхъ, хоронить мертвыхъ по обряду церкви, держать посты, исповѣдываться и приобщаться. Само собой понятно, что эти обязанности совершенно неисполнимы въ глухой тундрѣ. Какъ напр. соблюдать самоѣдамъ постъ, если всякая пища, какою они только и могутъ питаться, — тюленина, олеина, жиръ, сало, рыба, — непременно животнаго происхожденія. И вотъ, зная за ними эти грѣшки, священникъ спѣшитъ воспользоваться ихъ виною и облагаетъ ихъ сугубой данью. Наблюдая самоѣдовъ, приходившихъ въ Хабаровѣ въ часовню, путешественники замѣтили, что эти наивныя дѣти природы относятся къ образамъ совершенно такъ же, какъ къ своимъ идоламъ. Вскорѣ путешественники получили возможность убѣдиться, что самоѣды, наряду съ навязанными имъ христіанскими богами, въ числѣ которыхъ больше всего почитали Миколу, продолжаютъ втайнѣ поклоняться своимъ прежнимъ богамъ. Норденшильдъ поставилъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало добыть этихъ идольчиковъ и посѣтить мѣста мольбищъ, гдѣ, по описаніямъ старыхъ путешественниковъ, стояли сотни большихъ и малыхъ истукановъ. Настойчивость его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. За нѣсколько серебряныхъ рублей, бывшихъ тогда рѣдкой монетой, блескъ которыхъ ослѣпилъ и соблазнилъ одну старую самоѣдку, ученому удалось получить въ собственность нѣсколько идольчиковъ, которыхъ самоѣды держатъ при себѣ или

въ своемъ чумѣ, т. е. шатрѣ, въ качествѣ боговъ защитниковъ и приносящихъ удачу на промыслѣ.

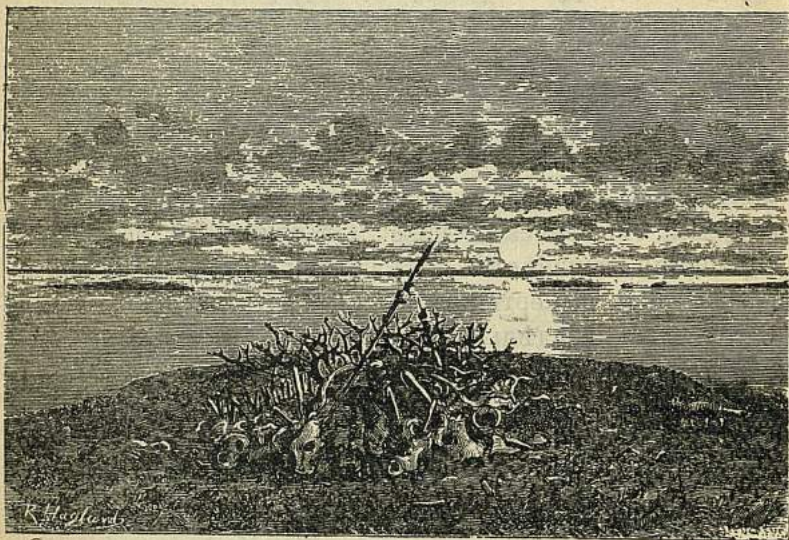
Божки представляли подобія грубыхъ самодѣльных куколъ вродѣ тѣхъ, какія устраиваютъ себѣ дѣти изъ какой-нибудь щепки, обернувъ ее въ тряпки, подпоясавъ обрывкомъ матеріи и намѣтивъ углемъ глаза, ротъ и носъ. Русскіе жители, которые обитали въ Хабаровѣ, относились къ этимъ самоѣдскимъ божкамъ, кажется, съ не меньшимъ почтеніемъ, чѣмъ самоѣды, и приписывали имъ ту же силу, какъ своимъ святымъ. Они сообщили Норденшильду, что въ окрестности есть немало холмовъ, вершины которыхъ уставлены множествомъ большихъ болвановъ, которымъ самоѣды приносятъ жертвы. На просьбы Норденшильда указать ему эти „храмы“ или мольбища, собесѣдники отвѣтили сначала рѣшительнымъ отказомъ. Видно было, что любопытство заѣзжаго иностранца внушало имъ страхъ, какъ бы божества не оскорбились и не отоместили тому, кто рѣшится сопровождать его къ святынѣ. Лишь неотступныя, настойчивыя убѣжденія и обѣщаніе хорошей награды смогли соблазнить одного изъ мѣстныхъ русскихъ, согласившагося наконецъ сопровождать Норденшильда къ одному изъ самоѣдскихъ святилищъ. При этомъ случаѣ путешественники испытали всѣ прелести ѣзды по моховой тундрѣ въ самоѣдскихъ саняхъ. Запряженные въ нихъ олени, которыхъ проводникъ погонялъ длинной, заостренной на концѣ палкой, неслись впередъ во всю прыть своихъ ногъ, въ то время какъ злополучные сѣдоки, непривычные къ такого рода ѣздѣ, употребляли всѣ усилія, только бы не вывалиться изъ прыгавшаго по кочкамъ экипажа. Святилище, предметъ горячаго любопытства Норденшильда, находилось на островѣ Вайгачѣ, отдѣленномъ отъ Хабарова

Могла изычника самовда въ тундрѣ. (Она представляеть грубо сложенный ацикъ изъ бревень,
а на шестахъ висить приношенія духу покойнаго).

проливомъ. Это былъ небольшой естественный холмъ съ пологими склонами, на которыхъ валялись безчисленныя приношенія, т. е. оленьи черепа съ вѣтвистыми рогами. На самой вершинѣ череповъ было навалено такъ много, что груда ихъ напоминала издали чащу кустарника. Возлѣ нихъ торчали другіе черепа, насаженные на воткнутыя въ землю палки; палки были изукрашены грубой рѣзбой, изображавшей человѣческія лица. Въ числѣ оленьихъ череповъ находился также медвѣжій, возлѣ валялись медвѣжьи лапы съ когтями, и тутъ же на камнѣ лежали двѣ свинцовыя пули, очевидно, тѣ самыя, которыми медвѣдь былъ убитъ. Множество изломанныхъ желѣзныхъ предметовъ, какъ напр., осколки чугуновъ, ломаные топоры, куски обручей отъ бочекъ, даже металлическая часть отъ гармоники, неизвѣстно какъ попавшая сюда, дополняли разнообразіе пожертвованныхъ божествамъ предметовъ. Сами боги, владѣльцы всего этого великолѣпія, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ стояли въ сторонѣ на восточномъ склонѣ холма. Это были различной длины доски, отъ 15—30 сантиметровъ до 3¹/₂ метровъ, на верхнемъ концѣ которыхъ красовались грубо нацарапанныя или вырѣзанныя лица. Ниже у берега виднѣлось огнище съ остатками пиршества,—слѣды недавняго посѣщенія какихъ-то поклонниковъ. По словамъ проводника боги также принимаютъ участіе въ пирѣ, потому что поклонники мажутъ имъ ротъ кровью и жиромъ животнаго, мясо котораго съѣдаютъ сами, а черепъ присоединяютъ къ кучѣ, увѣнчивающей вершину холма. Срисовавъ святилище, Норденшильдъ и его спутники принялись „грабить“ его. Они собрали наиболѣе интересные предметы. Замѣтивъ, что при видѣ такого святотатства, фізіономія сопровождавшаго ихъ русскаго принимала

все болѣе сумрачное выраженіе, путешественники поспѣшили уложить добычу въ мѣшокъ и унести ее подалѣе. Злосчастный проводникъ, которымъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвалъ страхъ мести со стороны поруганныхъ боговъ, взмолился, наконецъ, и сталъ просить Норденшильда смягчить ихъ гнѣвъ и отклонить мечь какою-нибудь жертвой. Путешественникъ

Самоѣдское мольбище, съ остатками жертвоприношеній.

выразилъ, разумѣется, полнѣйшую готовность исполнить просьбу. „Что же такое пожертвовать имъ?“ спросилъ онъ. Вопросъ вызвалъ въ темномъ человѣкѣ новое смущеніе. Видно было, что съ одной стороны его пугалъ страхъ мести со стороны самоѣдскихъ божествъ, съ другой стороны, какъ христіанинъ, онъ страшился божьяго наказанія за принесеніе жертвы идоламъ. По-

думавъ немного, онъ, наконецъ, замѣтилъ, что, вѣроятно, боги останутся вполне довольны, если чужеземцы положить въ щель между камнями нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Съ медлительной торжественностью, подобавшей благочестивому жертвователю, Норденшильдъ вынулъ и положилъ на камень нѣсколько серебряныхъ монетъ. Безъ сомнѣнія, даръ этотъ представлялъ самую щедрую жертву изъ всѣхъ, когда-либо приносившихся на холмѣ, такъ какъ проводникъ выразилъ мысль, что съ этихъ боговъ вполне достаточно было бы и мѣдныхъ монетъ.

Видъ самоѣдскаго святилища и украшавшихъ его предметовъ возбудилъ въ ученомъ путешественникѣ цѣлый рядъ мыслей, уносившихъ его въ далекое прошлое, когда его собственные предки приносили своимъ богамъ точно такія же приношенія. Времена эти давно прошли, они окутаны глубокимъ мракомъ, сквозь который наука не проникла бы никогда, если бы изслѣдованіе быта дикихъ племенъ не открывало бы загадокъ, которыми окружено дѣтство человѣчества и начало его культуры.

ГЛАВА III.

Въ Карскомъ морѣ.—Туманы и льды.—Покинутое зимовье.—Наносы пловучаго лѣса и образованіе пластовъ каменнаго угля.—Устья Енисея.—Почва полярныхъ острововъ.—Снова льды.—Мысъ Челюскина.—Памятникъ „Вега“.

Наблюденія и изслѣдованія, которымъ съ жаромъ предавались всѣ участники экспедиціи, помогали имъ заглушать беспокойство, обуревавшее ихъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Драгоценное время ухо-

дило. Можетъ быть, эти именно дни и являлись самымъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы пересѣчь Карское море, пока его не загромождили льды, а между тѣмъ ожидаемыя суда не подходили, и даже неизвѣстно было, гдѣ они и что съ ними. Наконецъ, въ одинъ радостный день на горизонтѣ показался дымокъ. Вскорѣ обрисовавшіяся очертанія судна позволили заключить, что это шла „Лена“. Дѣйствительно, то была она, а вслѣдъ за нею пришли и другіе пароходы. Такимъ образомъ утромъ 1 августа флотилія могла поднять якорь и двинуться въ давно желанный путь. Медленно и осторожно, мѣряя на каждомъ шагу дно, прошли суда усѣянный мелями Вайгачскій проливъ и вступили въ Карское море. Далеко, насколько хваталъ глазъ, разстилалась впереди „Веги“ гладкая поверхность открытаго моря. Ни единая льдина не качалась на волнахъ его, такъ что многіе на бортѣ судна предсказывали уже, что „Вега“ благополучно пройдетъ на востокъ, избѣгнувъ встрѣчи съ плавучимъ льдомъ. Увы! Уже на третій день вѣтеръ стихъ, и небольшія волны, ласково качавшія судно, улеглись почти совсѣмъ—вѣрный признакъ, что впереди простирается ледъ. Предчувствіе не обмануло знакомыхъ съ полярнымъ океаномъ плователей. Вскорѣ впереди открылась необозримая равнина плавучихъ глыбъ, и вотъ уже льдины съ зловѣщимъ шорохомъ трутся о бока судна, замедляя и безъ того не быстрый ходъ его. На счастье путешественниковъ это былъ талый, какъ бы разтѣденный лѣтнимъ тепломъ, ледъ, вслѣдствіе чего онъ легко рассыпался при ударѣ о носъ судна и не составлялъ еще сколько нибудь серьезнаго препятствія. Это были передовыя льдины, за которыми чувствовалось присутствіе плотныхъ рядовъ большихъ ледяныхъ полей. Вмѣстѣ со льдомъ надвинулся туманъ,

а туманъ въ этихъ неизвѣстныхъ моряхъ, гдѣ всюду могутъ лежать невѣдомыя мели и низкіе островки, вызывалъ гораздо болѣе сильное безпокойство и заставлялъ удваивать осторожность. Капитанъ не могъ про-
извести наблюденія надъ солнцемъ, чтобы опредѣлить положеніе судна и долженъ былъ, изъ страха наткнуться на берегъ, измѣнять курсъ, уклоняясь отъ прямого пути. Кромѣ того суда постоянно теряли другъ друга изъ виду.

4-го августа слабое покачиваніе судна послужило доказательствомъ того, что море на нѣкоторое разстояніе свободно отъ льда. „Вега“ плыла теперь по мутной желтоватаго цвѣта и совершенно непрозрачной водѣ, которая вдобавокъ почти не заключала соли. Путешественникамъ стало ясно, что они находятся недалеко отъ устья Оби и Енисея, потому что мутная вода, покрывавшая море насколько хваталъ взоръ, могла быть только рѣчной водой этихъ рѣкъ. Флотилія съ трудомъ отыскивала путь среди тумана, направляясь къ одной бухтѣ въ устьѣ Енисея, которую Норденшильдъ открылъ еще въ 1875 г. и которая получила названіе бухты Диксона. Тамъ онъ надѣялся найти вѣрную защиту для своихъ судовъ. 6 августа суда находились уже въ бухтѣ. Страна была пустынна на сотни верстъ кругомъ. Нѣсколько заброшенныхъ зимовій, расположенныхъ на восточномъ берегу Енисея и представлявшихъ прочныя, построенныя изъ выброшенныхъ моремъ бревенъ срубы съ земляной крышей, одни только свидѣтельствовали, что сюда хоть изрѣдка, но заглядываютъ промышленники. Теперь, однако, зимовья стояли пустыми. Берега рѣки были загромождены громадными валами „плавника“, т. е. древесныхъ стволовъ, которые великія сибирскія рѣки ежегодно выносятъ въ море. Одни изъ

бревенъ лишились уже коры, сучьевъ и корней и побѣлѣли отъ времени; другія казались еще совсѣмъ свѣжими. Каждый годъ весной рѣки подмываютъ поросшіе густымъ лѣсомъ берега. Цѣлые участки берега вмѣстѣ съ растущими на немъ деревьями и кустарниками сползаютъ въ воду, которая рано или поздно отрываетъ или вымываетъ деревья изъ почвы и уноситъ съ собой. Валы плавника, которыми окаймлены берега рѣкъ въ низовьяхъ, заключаютъ лишь небольшую часть погибшаго, снесеннаго водой лѣса. Большею частью древесные стволы выплываютъ въ море и медленно уносятся теченіемъ вдаль. Однѣ породы быстро намокаютъ до того, что становятся тяжелѣе воды и тогда садятся на дно, другіе стволы достигаютъ отдаленныхъ береговъ Новой Земли, Шпицбергена и Гренландіи. Гренландскіе эскимосы, которые живутъ въ совершенно безлѣсной странѣ, пользуются этимъ лѣсомъ для приготовленія изъ него древковъ для гарпуновъ и другихъ подѣлокъ. Сибирскія лиственницы, находимыя тамъ, служатъ яснымъ доказательствомъ того, что воды Полярнаго моря медленно движутся черезъ полюсъ къ сѣвернымъ берегамъ Америки и Гренландіи. Масса лѣса, которая тонетъ въ низовьяхъ рѣкъ, должна была образовать здѣсь за тысячи лѣтъ мощные пласты. Занесенныя иломъ деревья медленно гніютъ въ водѣ и со временемъ превращаются въ уголь. Наблюдая этотъ выносъ лѣса рѣками, ученые естественно пришли къ заключенію, что многія залежи каменнаго угля, которымъ пользуются теперь люди, образовались нѣкогда въ давно прошедшія времена именно такимъ образомъ: громадныя рѣки, протекавшія по древнимъ, исчезнувшимъ теперь материкамъ, выносили въ мелкіе заливы могучіе стволы лепидодендроновъ и сигиллярій, которые давно уже исчезли съ

лица земли, являясь отдаленными предками нынѣшнихъ хвощей и плауновъ. Десятки тысячъ лѣтъ скоплялись груды деревьевъ, переслаиваясь съ иломъ и глиной. Впослѣдствіи, когда море стало сушей, пласты образовавшагося угля остались лежать, пріобрѣтая постепенно твердость и блескъ минерала. Во многихъ шахтахъ удалось открыть въ пластахъ угля толстые, обуглившіеся стволы допотопныхъ деревьевъ, стоящіе прямо или слегка наклонно и сохранившіе свое строеніе настолько, что въ нихъ можно различить кору, древесину, листья. Норденшильдъ наблюдалъ въ низовьѣ Енисея, какъ образуются стоячіе стволы. Въ одномъ протокѣ рѣки верхушки стволовъ торчали надъ водой въ видѣ цѣлаго лѣса, между тѣмъ, какъ комли, т. е. нижнія части стволовъ съ отвѣтвляющимися во всѣ стороны корнями, завязнувъ на днѣ, затянулись иломъ и послужили причиной того, что деревья не уплыли въ море, а остались торчать въ видѣ карчей, которыя, если здѣсь разовьется судоходство, явятся громаднымъ препятствіемъ для движенія судовъ.

Бухта Диксона заранѣе была намѣчена, какъ мѣсто разлуки. Здѣсь пароходы „Фрезеръ“ и „Экспрессъ“ должны были покинуть „Вегу“ и ея маленькаго проводжатаго, чтобы войти въ Енисей, подняться по нему верстъ на 500 и разгрузить привезенные ими европейскіе товары въ ближайшемъ поселеніи. 9 августа, послѣ дружескаго прощанія, пароходы снялись съ якоря и пошли на югъ, а на другой день утромъ тронулась и „Вега“. Впереди лежалъ лабиринтъ острововъ. Мутныя воды Енисея съ журчаніемъ и пѣной устремлялись въ проливы между ними. Карты, которыми пользовались путешественники, оказались совершенно невѣрными: гдѣ была показана суша, открывалось море,

тамъ же, гдѣ было обозначено открытое море, то и дѣло появлялись коварные островки, окруженные широкимъ поясомъ мелководья. Впередъ приходилось двигаться положительно ощупью, мѣряя все время глубину лотомъ. Теплая погода и отсутствіе пловучаго льда благопріятствовали плаванію, но главный врагъ мореплавателей, туманъ, не дремалъ; онъ скоро надвинулся съ сѣвера, и „Вега“ волей-неволей принуждена была бросить якорь у ближайшаго островка.

Воспользовавшись остановкой, Норденшильдъ поспѣшилъ съѣхать вмѣстѣ съ другими учеными на берегъ. Казалось, трудно было представить себѣ что нибудь болѣе безотрадное, чѣмъ эти полярные острова: ни тѣни живого существа, ни деревца, ни кустика. Самая поверхность земли казалась обнаженной, лишенной даже той скудной флоры мховъ, лишайниковъ и мелкихъ цвѣточковъ, какіе встрѣчаются въ тундрѣ. Блуждая по острову, со взоромъ устремленнымъ къ землѣ въ поискахъ какой либо научной добычи, ученые сдѣлали вскорѣ любопытное наблюденіе. Поверхность острова была усѣяна слоемъ вывѣтрившагося вещества, подъ которой залегала матерая порода. Отъ холода, отъ влаги и сухости порода растрескалась на почти совершенно правильные шестигранники, каждый фута 2 въ поперечникѣ. Можетъ быть, это обстоятельство не привлекло бы къ себѣ вниманія наблюдателей, если бы щели, образовавшіяся между этими шестигранными шашками, не давали пріюта жалкимъ растеньицамъ, корешки которыхъ искали тамъ пищи и защиты отъ холода. Благодаря этому поверхность земли казалась какъ бы накрытой рѣдкой сѣтью, сквозь петли которой выступала голая земля. Впослѣдствіи оказалось, что подобный видъ имѣютъ не только острова, но и обшир-

ные участки самой бесплодной, придвинувшейся къ берегу моря, сибирской тундры.

На слѣдующій день погода настолько улучшилась, что капитанъ нашелъ возможнымъ двинуться дальше. Туманъ все еще мѣшалъ видѣть даль, но кромѣ него мореплавателей сталъ допекать новый врагъ: еще ночью вокругъ судна показался пловучій ледъ, который становился все гуще.

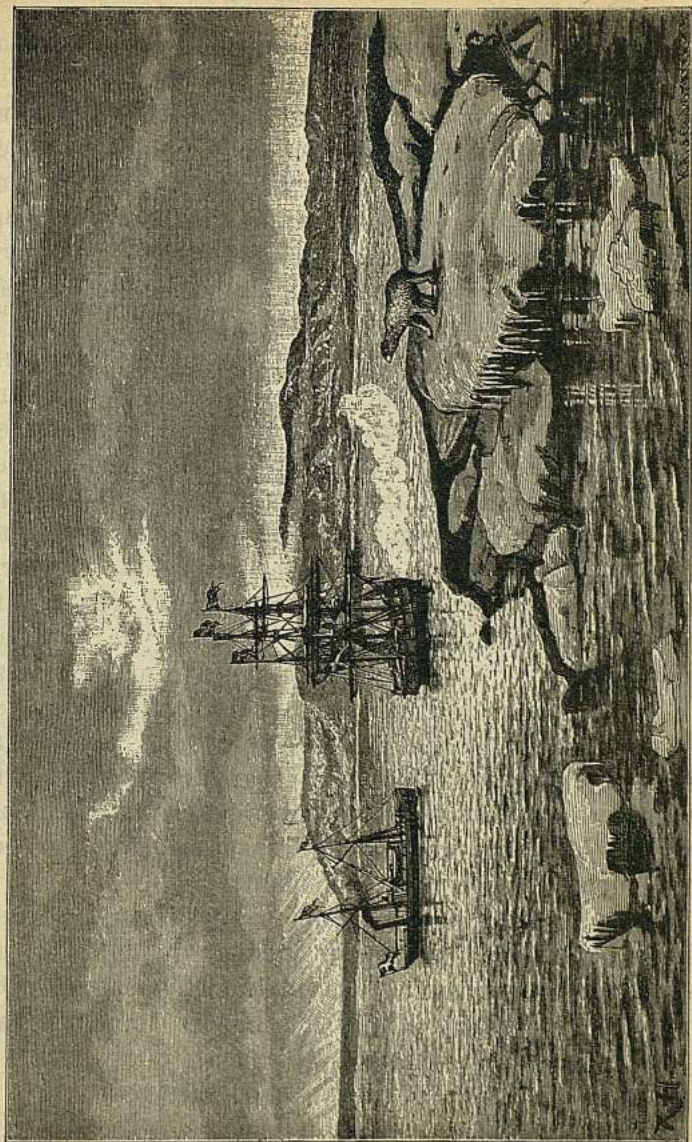
Въ туманѣ фигуры ледяныхъ глыбъ представляли самыя фантастическія очертанія: башни, шпицы и зубчатые вершины чередовались съ аркадами и глубокими пещерами, которыя вымыли въ синей прозрачной массѣ льда въ теченіе лѣта волны моря. По временамъ, когда туманъ сгущался, грозные призраки совершенно исчезали изъ вида, и тогда только шорохъ льда, производимый трущимися краями двухъ столкнувшихся льдинъ или игрою волны у подножія подмытой глыбы, указывалъ настороженному слуху штурмана и вахтенныхъ, что опасность тутъ, возлѣ. Держаться ближе къ берегу, гдѣ должна была простираться полоса свободной отъ льда воды, капитанъ не смѣлъ изъ боязни посадить „Вегу“ на мель—все побережье отличалось до сихъ поръ мелководьемъ. Опасеніе подобной случайности вынуждало „Вегу“ держать курсъ подальше отъ берега, но здѣсь клубился туманъ, сквозь волны котораго не видно было ничего. Такимъ образомъ къ вечеру 12 августа „Вега“ попала въ разрозненные ледяныя поля, между которыми вода была до того наполнена тающими ледяными осколками, что масса ея, подобно густой кашѣ, замедляла ходъ судна и, наконецъ, заставила остановить машину. „Вега“ и „Лена“ бросили свои якоря на большую льдину и остановились возлѣ края ея. На другой день, улучивъ мо-

ментъ, когда ледъ нѣсколько разошелся и между полями появились участки свободной воды, капитанъ провелъ суда дальше съ тѣмъ, чтобы вновь при-
ткнуться у какой нибудь внушавшей довѣріе льдины.

Такъ шло плаваніе день за днемъ. Каждая остановка являлась для ученыхъ удобнымъ случаемъ для производства наблюденій. Зоологъ спѣшилъ спустить сѣти и ловилъ морскихъ обитателей, черпаль пробы воды, изслѣдовалъ составъ ея; ботаникъ не терялъ надежды найти себѣ поживу на мерзлой поверхности льдинъ или искалъ ее въ водѣ; физики и химики съ неменьшимъ успѣхомъ наталкивались на новыя, неизвѣстныя въ наукѣ явленія, или же пополняли прежнія наблюденія новыми случаями.

Такъ во время остановки „Веги“ у льдины Норденшильдъ изслѣдовалъ снѣгъ съ цѣлью откѣрыть въ немъ тѣ черныя металлическія крупинки, какія онъ наблюдалъ въ прежнія путешествія, и которыя представляли не что иное, какъ метеорную пыль, сыплющуюся на землю изъ небеснаго пространства. Онъ не напелъ ея на этой льдинѣ. Взамѣнъ того вниманіе его привлекли къ себѣ какія то ржавыя пятна на снѣгу. Когда этотъ снѣгъ собрали, то въ немъ открыли множество мелкихъ желтыхъ кристалликовъ. Произведенныя впослѣдствіи изслѣдованія показали, что кристаллики, представлявшіе то же самое, что мѣлъ, никакъ не могли образоваться на землѣ и должны были попасть на ледъ, подобно метеорной пыли, не иначе какъ изъ небеснаго пространства. Это открытіе являлось новымъ и гораздо болѣе загадочнымъ, чѣмъ метеорная пыль.

Между тѣмъ, несмотря на препятствія, суда всетаки подвигались впередъ и медленно огибали большой пустынный полуостровъ Таймыръ, который представляетъ

Салютъ сѣверной оконечности Азіи — мысу Челюскину (стр. 54).

самую сѣверную оконечность всего материка Старога Свѣта. День 19 августа представлялъ выдающійся моментъ: въ часъ пополудни открылись въ туманѣ высокія скалы полуострова Челюскина, а въ 6 ч. вечера „Вега“ бросила якорь у мыса Челюскина, крайней сѣверной точки Азіи. Туманъ разсѣялся, и лучи погасающаго солнца освѣтили взорамъ восхищенныхъ путешественниковъ голыя скалы и виднѣвшійся позади ихъ какой-то покрытый снѣгомъ горный хребетъ. Въ ознаменованіе великаго событія по всѣмъ снастямъ взвились, весело колыхаясь въ воздухѣ, разноцвѣтные флаги, а глухіе пушечные выстрѣлы разбудили эхо берега и привлекли къ себѣ вниманіе единственнаго животнаго существа, виднѣвшагося на немъ—это былъ большой бѣлый медвѣдь, который въ недоумѣніи нюхалъ воздухъ и звучно фыркалъ, стараясь, вѣроятно, понять, что за существа и съ какими цѣлями поспѣшно подѣзжаютъ къ нему. Звѣрь не выждалъ приближенія лодки и пустился на утекъ, предоставивъ свои владѣнія незванымъ пришельцамъ.

Съ какимъ то смѣшаннымъ чувствомъ восхищенія и благоговѣнія ступили путешественники на голую и пустынную землю. Вѣдь они были первые плователи, обогнувшіе Азію съ сѣвера! Полторака лѣтъ до того здѣсь, правда, побывали европейцы.

Это былъ русскій топографъ *) Челюскинъ, участвовавшій въ великой сѣверной экспедиціи 1735—39 гг., цѣлью которой являлось изслѣдованіе побережья Сибири между устьями Лены и Енисея. Начальникамъ ея, Лаптеву и Прончищеву, не удалось обследовать берегъ въ суднѣ, которое погибло во льдахъ.

*) Топографъ—съемщикъ мѣстности.

Они зимовали на берегу, испытавъ всѣ ужасы полярной стужи, всѣ тягости обратнаго путешествія по безлюдной тундрѣ. До плаванія Норденшильда сомнѣвались даже, дѣйствительно ли Челюскинъ былъ здѣсь, вѣрна ли составленная имъ карта побережья, не плодъ

П а м я т н и к ъ „Веѣ“ (стр. 56).

ли это измышленій, какими богата исторія путешествій и открытій.

Теперь, когда путешественники воочію видѣли нанесенные на карту изгибы берега, горные хребты, мысы и островки, въ нихъ не осталось и тѣни сомнѣнія въ подлинности подвига маленькаго чиновничка, который, преодолевъ всѣ трудности одинокаго странствія, дѣй-

ствительно первый изъ европейцевъ достигъ сѣверной оконечности Стараго Свѣта. Это было въ 1742 г.

Поэтому нѣтъ ничего болѣе справедливаго, какъ сохранить за мысомъ названіе Челюскина.

Только поздно вечеромъ члены экспедиціи вернулись на судно. Въ ознаменованіе „великаго событія“ Норденшильдъ приказалъ соорудить на берегу памятникъ „Вега“. Изъ груды наваленныхъ на холмъ камней, подъ которыми была спрятана жестянка съ краткими свѣдѣніями о судьбѣ экспедиціи, подымался высоко вверхъ толстый стволъ гигантскаго бревна, принесеннаго на холмъ съ берега и воодруженнаго въ серединѣ памятника. Если медвѣди не разворотили эту кучу, она и посейчасъ стоитъ на пустынномъ мысу и будетъ стоять еще столѣтія. Опредѣливъ точно географическое положеніе мыса, снявъ карту берега и выполнивъ всѣ другія наблюденія, экспедиція могла двинуться дальше. Теперь путь лежалъ не на сѣверъ, а на юго-востокъ и ближайшимъ мѣстомъ, куда стремились суда, являлось устье Лены.

Половина странствія была успѣшно выполняема, всѣ надѣялись на благополучный исходъ плаванія и съ бодрыми надеждами пустились на другой день въ дальнѣйшій путь.

ГЛАВА IV.

Въ устьѣ Лены.—Разлука со спутниками.—Мамонтовы клыки, древесныя горы и древній ископаемый ледъ.—Приближеніе зимы.—Ледяныя горы.—Первая встрѣча съ чукчами.—Вега затерта льдомъ и принуждена зимовать близъ самаго Берингова пролива.

Нѣсколько дней спустя оба судна достигли устья Лены. Громадная рѣка втекаетъ въ океанъ многими

рукавами, которые изливаютъ въ него свои мутныя воды среди цѣлаго лабиринта низкихъ, болотистыхъ острововъ. Здѣсь „Лена“, маленькій спутникъ „Веги“, должна была разстаться съ нею. Утромъ 28 августа „Лена“ взяла почту и ушла на югъ, а „Вега“, которая не смѣла приблизиться къ мелкому побережью, продолжала свой путь далѣе на востокъ. Еще въ тотъ же день послѣ полудня впереди показалась земля, островокъ Столбовой, одинъ изъ большой группы Новосибирскихъ острововъ. Страшенъ видъ этихъ черныхъ скалъ, одиноко закинутыхъ въ полярномъ океанѣ! Никому, кажется, не нужна эта земля. Человѣкъ никогда не отважился бы забраться сюда, если бы его не привлекала ископаемая кость, которая встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ громадномъ количествѣ. Каждый годъ, когда тепло сгонить снѣгъ съ обращенныхъ къ югу склоновъ, въ обрывахъ начинаютъ обваливаться глыбы мерзлой земли.

Тогда въ отвѣсныхъ стѣнахъ ихъ обнажаются громадные, искривленные клыки мамонтовъ. Вмѣстѣ съ клыками встрѣчаются кости, даже полные скелеты мамонтовъ и другихъ вымершихъ звѣрей, которые жили много тысячъ лѣтъ тому назадъ и теперь уже нигдѣ не встрѣчаются живыми. На этихъ же островахъ ученые открыли „древесныя горы“. Это холмы въ 60—70 метровъ высотой, состоящіе изъ пластовъ песчаника, между которыми лежатъ слои обуглившихся, наподобіе каменнаго угля, древесныхъ стволовъ. Внизу стволы покоятся лежа, а въ верхней части холмовъ они торчатъ стоймя. Какъ попали сюда эти груды деревьевъ, представлялось бы загадочнымъ, если бы Норденшильдъ не наблюдалъ выноса массы деревьевъ сибирскими рѣками, о чемъ была рѣчь въ предъидущей главѣ. Такъ

же трудно было бы объяснить, почему на этихъ островахъ такъ много остатковъ мамонтовъ, еслибы не были извѣстны находки мамонтовъ во всей сѣверной Сибири. Занесло ли трупы этихъ звѣрей сюда рѣкой и морскимъ теченіемъ, или острова были прежде частью большой суши, на которой они водились въ изобиліи—трудно пока сказать точно. Не меньшую загадку представляютъ открытые здѣсь мощные пласты прѣснаго льда, который лежитъ между слоями земли и образовался многія тысячи лѣтъ тому назадъ, не успѣвъ съ тѣхъ поръ растаять. Эти загадочныя явленія природы, конечно, не интересуютъ полудикихъ промышленниковъ, которые пріѣзжаютъ на острова лѣтомъ собирать мамонтовы клыки, цѣнящіеся въ продажѣ такъ же дорого, какъ слоновая кость. Но для ученыхъ, старающихся узнать по такимъ остаткамъ прошлыхъ временъ, какова была земля и обитавшія на ней живыя существа въ давнопрошедшія времена, какъ скелеты животныхъ такъ и древесныя горы и древній „ископаемый“ ледъ представляютъ въ высшей степени любопытныя явленія.

Съ жаднымъ любопытствомъ ученаго смотрѣлъ Норденшильдъ на мрачныя утесы острова, въ то время какъ „Вега“ шла мимо него. Пристать къ берегу не было никакой возможности изъ-за сплошного льда, а поискать свободной отъ льда бухты препятствовалъ недостатокъ времени. Норденшильдъ страшился задержать экспедицію у этихъ береговъ изъ опасенія, какъ бы зима не надвинулась раньше, чѣмъ „Вега“ достигнетъ Берингова пролива. Быстро, насколько позволяли силы машины и состояніе моря, подвигалось судно на востокъ. Ночью 31-го августа, когда „Вега“ проходила мимо опаснаго мыса, получившаго названіе Святой

Носъ, Норденшильдъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что спокойная гладь моря быстро стала покрываться тонкой пленкой льда, несмотря на то, что термометръ показывалъ на воздухѣ $1\frac{1}{2}$ градуса выше нуля, причемъ вода моря была такъ же тепла, какъ воздухъ, и даже еще теплѣе. Онъ могъ объяснить себѣ это явленіе только тѣмъ, что самая поверхность моря, очевидно, испускала тепло сквозь прозрачный воздухъ въ ясное небо и при этомъ охлаждалась ниже нуля. Нельзя же было допустить, чтобы вода замерзала выше нуля! На слѣдующій день „Вега“ продолжала двигаться по узкому проходу свободной отъ льда воды, который оставался еще между берегомъ и краемъ пловучаго льда, хотя проходъ этотъ съ каждымъ днемъ становился все уже. Въ этотъ день судно впервые встрѣтило ледъ, какой до сихъ поръ не видало въ этихъ водахъ, но который былъ знакомъ Норденшильду, когда онъ плавалъ близъ береговъ Гренландіи и Шпицбергена. Это были глыбы, которыя мало выдавались надъ водой, а плыли погруженные большею своею массой въ море. Волны подмыли ихъ кругомъ, такъ что подводныя части превращались кругомъ глыбы какъ бы въ широкую ледяную мель, очень опасную для судна, если бы оно наскочило на подобный ледяной рифъ. Ледъ, подобный этому, не есть обыкновенный морской ледъ, который образуется каждую зиму, и, если не таетъ лѣтомъ, то становится рыхлымъ, легко поддаваясь разрушенію. Встрѣча съ молодымъ льдомъ не опасна судну. Ледъ же, который плылъ теперь по морю, образуется на полярной сушѣ въ видѣ гигантскихъ ледниковъ, концы которыхъ свисаютъ съ берега въ море, пока не обломятся и не всплывутъ въ видѣ ледяной горы. Очевидно, ихъ пригнало сюда вѣтромъ

или теченіемъ отъ береговъ какой-то отдаленной суши, можетъ быть, съ архипелага Полярной Америки.

Между тѣмъ зиманадвигалась быстрыми шагами: уже начиналъ падать снѣгъ, температура воздуха и воды опускалась ниже нуля, и если „Вега“ находила еще дорогу среди пловучаго льда по незамерзшему морю, то потому только, что соленая морская вода замерзаетъ не при нулѣ градусовъ, а ниже. 5 сентября прошли мимо большой Чаунской губы и на другой день увидѣли мысъ Шелагскій. Казалось, до Берингова пролива было рукой подать. „Вега“ безъ сомнѣнія достигла бы цѣли своего плаванія уже черезъ нѣсколько дней, если бы могла подвигаться впередъ съ прежней скоростью. Но, увы! Ночи становились длиннѣе, мракъ дѣлался такъ непроницаемъ, что вечеромъ судно должно было останавливаться на нѣсколько часовъ и стоять, зацѣпившись якоремъ за какую-нибудь большую льдину. Съ тревогой смотрѣлъ Норденшильдъ навстрѣчу неприглядному будущему. Успѣютъ ли они ускользнуть изъ холодныхъ объятій зимы, которая какъ бы гналась за ними по пятамъ и усыпала путь „Веги“ всевозможными препятствіями, или же они сдѣлаются жертвой ея и проведутъ цѣлый годъ неподвижно у безлюдныхъ береговъ. Впрочемъ, нѣтъ—берегъ не былъ вовсе лишенъ людей: въ то самое время, какъ „Вега“ огибала Шелагскій мысъ, команда увидала въ морѣ лодку, набитую пассажирами. Появленіе ихъ вызвало настоящую суматоху—всѣ кинулись наверхъ, кромѣ... повара. Эта оригинальная личность не интересовалась ничѣмъ, кромѣ своихъ кастрюлей и сковородъ; достаточно сказать, что поваръ этотъ, объѣхавъ кругомъ всю Азію и Европу, *ни разу* не съѣзжалъ на берегъ. Куча людей, сидѣвшихъ въ лодкѣ, махала руками, давая тѣмъ знать, что

они желаютъ взойти на судно. Машину застопорили, лодка подошла къ борту и, минуто спустя, на палубѣ топталась ватага закутанныхъ въ мѣха дикарей, первыхъ, какихъ члены экспедиціи видѣли съ тѣхъ поръ, какъ покинули Хабарово. Путешественники не понимали ни слова изъ оживленной болтовни пришельцевъ, По-русски изъ нихъ никто не зналъ ни слова, и только одинъ мальчикъ кое какъ считалъ по-англійски до десяти. Очевидно, туземцы сталкивались только съ американскими китобоями, какъ о томъ свидѣтельствовали нѣкоторыя вещи, какъ напр., оружіе и посуда, имѣвшіяся въ ихъ обиходѣ. Офицеры и матросы щедро одѣлили гостей табакомъ, глиняными трубками, многимъ подарили старую одежду. Они съ любопытствомъ осматривали этихъ первыхъ, встрѣченныхъ ими чукчей, фізіономіи которыхъ казались болѣе правильными и красивыми, чѣмъ лица хабаровскихъ самоѣдовъ. Гости остались очень довольны подарками и скоро удалились въ своихъ сшитыхъ изъ шкуръ лодкахъ на берегъ. Норденшильдъ съ товарищами посѣтилъ ихъ стойбище, торопливо знакомясь съ бытомъ этого народа въ полной увѣренности, что черезъ нѣсколько дней онъ разстанется съ ними навсегда.

Ни самъ онъ, ни товарищи его не подозрѣвали еще, какое разочарованіе готовило имъ ближайшее будущее. Несмотря на туманъ и на встрѣчный ледъ, „Вега“ плыла все дальше и дальше на востокъ, медленно пробираясь вдоль берега, огибая льдины въ поискахъ пространства свободной воды. Не разъ судно попадало въ опасныя положенія. Постоянно приходилось останавливаться, потомъ спѣшно сниматься съ якоря, чтобы избѣжать столкновеній съ наносимыми стремительнымъ теченіемъ льдинами, и искать новой стоянки. Часто

ледъ окружалъ „Вега“ со всѣхъ сторонъ, и приходилось ждать, чтобы вѣтеръ или приливъ раздробилъ сомкнувшееся поле. Съ 12 по 18 сентября „Вега“ стояла во льду, не имѣя возможности двинуться дальше. Тщетно маленькій паровой баркасъ выходилъ ежедневно на развѣдки. Прошла почти недѣля, прежде чѣмъ „Вега“ тронулась впередъ. Что это было за плаваніе! Судно дрожало, трещало и кряхтѣло отъ непрерывныхъ ударовъ о ледяныя глыбы, въ которыя оно упиралось носомъ, раздвигая ихъ въ стороны. Съ трудомъ осилило оно широкій поясъ льдинъ, преграждавшихъ путь, и готово было пуститься дальше по сравнительно свободному морю, какъ внезапно наскочило на ледяную мель, съ которой едва-едва снялось. Другое, менѣе крѣпкое судно, давно пришло бы въ негодность, но „Вега“ выдержала испытаніе. 28 сент. судно достигло Колючинской губы, и отъ Берингова пролива его отдѣляло разстояніе всего около 100 километровъ, которое при удачѣ можно было пройти въ однѣ или въ двое сутокъ. Утро 28 сент. порадовало путешественниковъ. Легкій морозъ сковалъ море тонкой пленкой льда, который „Вега“ разбивала легко. Но вскорѣ вода кругомъ судна стала мутной,—знакъ, что судно слишкомъ приблизилось къ берегу, и капитанъ принужденъ былъ взять курсъ въ открытое море. Но тамъ глыбы и поляны пловучаго льда оказались спаяны ночнымъ морозомъ такъ крѣпко, что „Вега“ была не въ состояніи проложить себѣ свободный путь. Обстоятельство это не слишкомъ смущало мореплавателей. Изъ описаній другихъ посѣщавшихъ эти воды путешественниковъ Норденшильдъ вычиталъ, что въ концѣ сентября и началѣ октября море бываетъ здѣсь еще свободно для плаванія, такъ какъ южные вѣтры ломаютъ и отгоняютъ ледъ къ сѣверу. Въ на-

деждѣ на подобный вѣтеръ „Вега“, по обыкновенію, остановилась у льдины, и путники принялись терпѣливо ждать погоды. „Еще нѣсколько часовъ, и мы войдемъ въ проливъ, направимся къ югу, и уже никакой морозъ не нагонитъ насъ тамъ. Терпѣніе! Терпѣніе!“ говорили они. Сколько разъ упрекали они себя потомъ за множество промедленій, какія они часто позволяли себѣ, увлекаясь научными наблюденіями! Какъ негодовали они на недостатокъ энергіи, на страхъ, который они испытывали передъ льдомъ, на осторожность, съ какой старались не рисковать судномъ! Они стояли передъ воротами, но морозъ захлопнулъ дверь, и путешественники остались въ плѣну на цѣлый годъ.

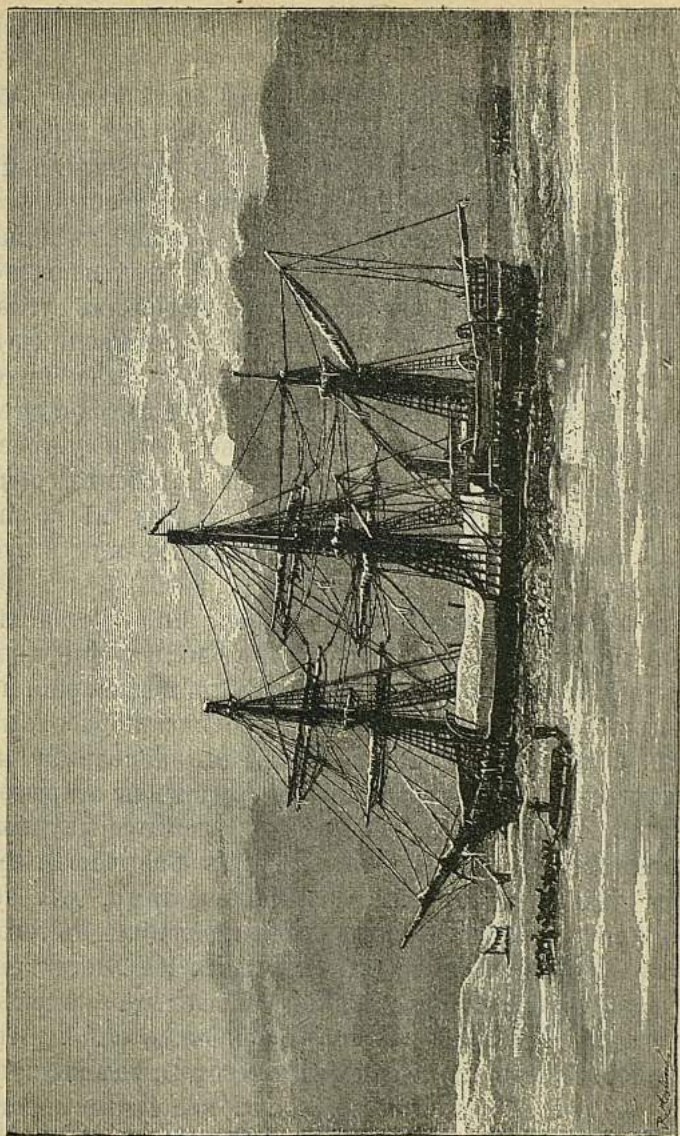
Итакъ день проходилъ за днемъ, а южный вѣтеръ и не помышлялъ являться на выручку „Веги“. Вмѣсто него дулъ, наоборотъ, сѣверный вѣтеръ. Онъ громоздилъ льды, обвѣвалъ море морозомъ и съ каждою ночью утолщалъ ледяную кору, пока къ 3 окт. толщина ея не достигла 1—2 футовъ. А справиться съ такимъ льдомъ „Вега“ была не въ силахъ. Итакъ, „неужели зимовка?“ спрашивали себя члены экспедиціи, какъ бы не вѣря тому, что случилось, и что неминуемо ожидало ихъ. Въ двухъ шагахъ отъ пролива? Досадно, но дѣлалась нечего. Оставалось только позаботиться поставить судно позади большой, прочной льдины, которая могла бы оказать ему защиту зимой, когда бури начнутъ сдвигать ледъ и прижимать его къ берегу. Иначе кораблю неизбежно угрожала опасность быть зажатому среди льда, который или раздавитъ его, или засыплетъ обломками, такъ что судно отъ тяжести ихъ должно погрузиться на дно.

ГЛАВА V.

„Вега“ затерта льдомъ и остается зимовать. — Приготовленія къ встрѣчѣ зимы. — Встрѣча съ чукчами. — Быть полярнаго человѣка.

„Вега“ остановилась довольно далеко отъ берега. Низкій и однообразный, онъ ничѣмъ не привлекалъ къ себѣ вниманія. Къ счастью, берегъ оказался обитаемымъ. Нѣсколько чукчей съ опасностью для жизни пробрались на судно и знаками принялись объяснять что-то путешественникамъ. Съ трудомъ можно было понять, что они говорятъ о большомъ кораблѣ, стоящемъ гдѣ-то по близости.

На другой день трое человѣкъ было послано впередъ отыскать неизвѣстное судно. Они вернулись поздно вечеромъ въ тотъ же день съ самыми неутѣшительными вѣстями: никакого судна они не видѣли; что же касается состоянія льда, то оно оказалось такимъ, что нечего было и мечтать объ освобожденіи отъ ледяныхъ оковъ. Итакъ, не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что „Вега“ предстоитъ зимовать въ виду этого унылаго побережья. Впослѣдствіи, когда экспедиція уже вернулась назадъ, Норденшильдъ получилъ отъ одного американскаго промышленника письмо съ извѣщеніемъ, что китобойное судно этого промышленника, дѣйствительно, находилось въ тѣ дни въ разстояніи всего 70 километровъ отъ „Веги“. Если бы посланные люди встрѣтили меньше препятствій на пути, они достигли бы его и могли бы послать съ нимъ вѣсти о себѣ въ Стокгольмъ. Вѣсти эти успокоили бы всѣхъ, интересовавшихся судьбой экспедиціи, между тѣмъ какъ теперь, не получая въ теченіе года никакихъ извѣстій,

„Вега“ въ ледяномъ плѣну.

родные и знакомые начинали уже подумывать о снаряженіи помощи.

Лишь только вопросъ о зимовкѣ былъ рѣшенъ безповоротно, всѣ принялись дѣятельно готовиться къ встрѣчѣ зимы. Въ каютахъ разставили чугунныя печи, благодаря которымъ температура подъ палубой не уступала той, какая обыкновенно бываетъ зимой въ домахъ въ сѣверныхъ странахъ. Хуже холода была влажность и сырость, которая неизбѣжно заводилась въ углахъ вслѣдствіе скопленія множества людей въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Но съ этимъ зломъ нельзя было ничего подѣлать. Надъ палубой, для защиты отъ вѣтра и снѣга, протянули парусинный навѣсъ. Здѣсь были устроены мастерскія: веселый огонекъ, стукъ молотовъ, громкія рѣчи и болтовня скоро превратили палубу въ сборное мѣсто; днемъ здѣсь всегда толпились туземцы и люди команды.

Но важнѣе приспособленія судна было установить такой порядокъ жизни, чтобы въ людяхъ поддерживалась бодрость духа и здоровье тѣла. Для достиженія первой цѣли Норденшильдъ составилъ росписаніе работъ и занятій, благодаря которымъ всѣ члены экспедиціи были заняты здоровымъ и разумнымъ трудомъ на открытомъ воздухѣ и принимали участіе въ разныхъ научныхъ экспедиціяхъ и наблюденіяхъ. Трудъ физическій смѣнялся чтеніемъ, занятіями и развлеченіями, для чего отводились вечера, которые люди проводили въ теплой каютѣ вокругъ ярко-горящихъ лампъ. На „Веѣ“ была устроена ванна, и Норденшильдъ тщательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ пользовались ею возможно чаще. „Веѣ“ пришлось зимовать подъ такою широтою, гдѣ полярная зима не сопровождается мракомъ: въ самые короткіе дни солнце стояло все-таки около 4-хъ часовъ надъ го-

ризонтомъ. Такимъ образомъ путешественники не испытывали угнетающаго вліянія долгой полярной ночи, подобно прежнимъ экспедиціямъ, зато морозы были очень сильны. Благодаря своимъ прежнимъ странствованіямъ въ полярныхъ странахъ Норденшильдъ сумѣлъ предусмотрѣть всѣ случайности, предупредить всѣ невзгоды, превращавшія прежнія полярныя путешествія въ какое-то сплошное мученіе. Невыносимый холодъ, сырость и съ нею грязь, отвратительный воздухъ въ каютахъ, однообразная, плохая пища обыкновенно вызывали цынгу уже въ самомъ началѣ зимы, физическія и нравственныя страданія ввергали людей, даже самыхъ крѣпкихъ тѣломъ и душой, въ апатію, возбуждали неудовольствіе и съ ними ссоры и несогласія. Ничего подобнаго не было здѣсь: никто изъ членовъ экспедиціи не погибъ, ни съ кѣмъ за все время плаванія не произошло ни одного серьезнаго несчастія, ни одной тяжелой болѣзни. Экспедиція „Веги“ явилась такимъ образомъ первымъ полярнымъ путешествіемъ, доказавшимъ безопасность жизни для европейцевъ въ холодныхъ странахъ. Всѣ послѣдующія путешествія брали себѣ за образецъ снаряженіе „Веги“ и пользовались громаднымъ опытомъ ея руководителя.

„Вега“ простояла въ виду берега, окованная льдомъ, почти 300 дней. За этотъ долгій промежутокъ времени путешественники успѣли прекрасно ознакомиться съ нравами и бытомъ чукчей, полярнаго народа, который, подобно эскимосамъ, закинутъ судьбой на самый край обитаемой суши. Чукчи по большей части рослые, крѣпкіе, хорошо сложенные люди. Черты лица у нихъ показались путешественникамъ менѣе безобразными, чѣмъ самоѣдскія и эскимосскія лица; нѣкоторые, особенно дѣвушки, были даже миловидныя существа, не мало

красилъ ихъ смуглыя лица густой, почти кирпично-краснаго цвѣта румянецъ. Свой густые, черные, какъ вороново крыло, прямые волосы чукчи обстригаютъ коротко, оставляя на лбу челку. Женщины всѣ безъ исключенія татуируютъ себѣ лицо на лбу, кругомъ носа на щекахъ и подбородкѣ въ видѣ черныхъ или синеватыхъ черточекъ, составляющихъ особый узоръ. Мужчины не слѣдуютъ этому обычаю. Зимой они одѣваются въ двойныя мѣховыя одежды изъ оленьяго мѣха съ красивыми оторочками и опушками изъ другихъ мѣховъ. Въ теплое время года они смѣняютъ тяжелую мѣховую одежду, дѣлающую фигуры ихъ неуклюжими, на другую, сдѣланную изъ тонкихъ, полупрозрачныхъ тюленьихъ кишекъ; эта одежда очень удобна для промысла на морѣ, такъ какъ не промокаетъ. Голову даже въ сильный холодъ чукчи оставляютъ неприкрытой; нужна особенно сильная стужа, чтобы чукча воспользовался капюшономъ, который пришить сзади къ воротнику его мѣховой рубахи. Кромѣ этой самодѣльной одежды у нихъ въ употребленіи шерстяныя рубахи и фуфайки, вымѣниваемые у американскихъ китобоевъ. Какъ бы ни былъ живописенъ чукча въ своей національной одеждѣ, но близкое сосѣдство его не можетъ доставить удовольствія: дикари эти такъ нечистоплотны, такъ рѣдко мѣняютъ нижнюю одежду, что ходятъ постоянно въ атмосферѣ зловонія; мѣховая одежда ихъ и волосы кишатъ разными насѣкомыми, присутствіе которыхъ, однако, мало тревожитъ ихъ. Время отъ времени женщины возобновляютъ свою прическу, занимаясь этимъ дѣломъ съ необыкновенной серьезностью, но присутствіе при ихъ туалетѣ чрезвычайно непріятно, такъ какъ онѣ раздѣляются при этомъ со множествомъ

маленькихъ обуревающихъ ихъ враговъ такимъ же способомъ, какъ это дѣлаютъ собаки.

Жилища чукчей представляютъ изъ себя большія мѣховыя палатки, круглыя, гораздо болѣе широкія, чѣмъ высокія. Изъ длинныхъ крѣпкихъ шестовъ они

Чукча въ лѣтней одеждѣ.

дѣлаютъ сперва остоу или клѣтку, которую обвѣшиваютъ покрываломъ, сшитымъ изъ множества оленьихъ шкуръ. Восточная Сибирь зимой самая холодная страна на всемъ земномъ шарѣ, холода бываютъ ужасныя. Неудивительно поэтому, что чукчи часто дѣла-

ютъ свои шатры двойными такимъ образомъ, что одинъ шатеръ находится какъ бы внутри другого. При этомъ между оболочкой внѣшняго и внутренняго шатра остается довольно широкое пространство. Внутренній шатеръ раздѣляется мѣховыми перегородками на „комнаты“, служащія помѣщеніемъ для отдѣльной семьи. Обыкновенно въ шатрѣ живетъ нѣсколько семей, принадлежащихъ къ одному роду. Само собой понятно, что въ чукотскомъ шатрѣ нельзя поддерживать огонь при помощи хвороста или дровъ—дымъ, не имѣя выхода, скоро выкурилъ бы всѣхъ наружу. Огонь чукчи поддерживаютъ при помощи тюленьяго или моржеваго жира, который жгутъ въ плошкахъ, выдолбленныхъ изъ камня и снабженныхъ фитилемъ изъ скрученныхъ волоконъ мха. Пламя этой жировой лампы служить для варки пищи и какъ отопленіе. Только въ крайней нуждѣ, когда нѣтъ добычи и запасы ворвани истрачены, чукча прибѣгаетъ къ обыкновенному костру. Благодаря двойной покрывкѣ и огню въ чукотской хижинѣ настолько тепло, что обитатели ея часто скидываютъ съ себя всю одежду. Непроницаемый для воздуха двойной мѣхъ является въ то же время причиной того, что воздухъ въ такомъ жилищѣ отъ людей, отъ грязной одежды и всякаго скарба, отъ чада лампъ и гнѣющихъ, валяющихся на полу отбросовъ душень и пропитанъ ужасающимъ зловоніемъ. Для непривычнаго человѣка пребываніе въ хижинѣ совершенно невыносимо. Члены экспедиціи, принужденные однажды искать на ночь убѣжища въ чукотскомъ жильѣ, не смогли перенести царящей въ немъ атмосферы. Несмотря на ужасающій холодъ, они провели большую часть ночи наружи. При входѣ въ шатеръ лежитъ костяная палка, которою гости сбиваютъ съ своей одежды, особенно съ обуви, снѣгъ и

иней, такъ что протянутая по полу моржовая кожа остается сухой. Затѣмъ всякій входящій, будетъ ли то родичъ или чужанинъ, отдавъ привѣтствіе хозяевамъ, располагается въ шатрѣ, какъ у себя дома; онъ ѣстъ и пьетъ, сколько дадутъ хозяева, и остается столько времени, сколько ему нужно. Насчетъ гостепріимства чукчи разсуждаютъ такъ: „сегодня ты живешь и ѣшь

Чукотская женщина съ татуированнымъ лицомъ.

въ моемъ шатрѣ, завтра я—въ твоёмъ“. Иначе и невозможно въ этой ужасной странѣ.

Чѣмъ питаются чукчи? Казалось бы, пища ихъ должна быть исключительно животной. Въ пустынной полярной странѣ что можетъ добыть себѣ человѣкъ, кромѣ звѣря, водящагося въ морѣ или въ тундрѣ! Здѣсь невозможно никакое земледѣліе, сама же тундра не производитъ для человѣка ничего съѣдобнаго, кромѣ ягодъ. Къ изумленію своему ученые открыли, однако,

что въ числѣ чукотскихъ блюдъ имѣются и растительныя, притомъ не однѣ только ягоды. Однажды они пришли въ селеніе и застали женщинъ за хозяйственными дѣлами—онѣ заготавливали запасы пищи на зиму. Руки ихъ были по локоть запачканы какимъ то зеленоватымъ веществомъ. Подойдя ближе, путешественники увидѣли, что чукчанки хлопотали возлѣ только что зарѣзанныхъ оленей. Онѣ запускали руки въ желудки убитыхъ животныхъ и выгребали оттуда зеленую кашу, которую тутъ же перекладывали въ особые кожаные мѣшки. Не было сомнѣнія, что „шпинать“ этотъ представлялъ полупереваренный въ желудкѣ оленя мохъ. Чукчи копятъ запасы его и приправляютъ имъ свою животную пищу. Въ первый моментъ этотъ продуктъ не можетъ возбудить ничего, кромѣ отвращенія. Впослѣдствіи путешественникамъ пришлось отвѣдать его. По ихъ отзывамъ, „шпинать“ оказался довольно вкуснымъ.

Сами оленьеи желудки служатъ мѣшками для сохраненія пищи. Желудокъ убитаго оленя опорожняють отъ только что описаннаго содержимаго и наливають кровью того же самаго животнаго. Кромѣ „шпината“, путешественники наблюдали у чукчей и другія растительныя блюда. Однажды, когда они ночевали въ палаткѣ знакомаго чукчи, утромъ ихъ угостили завтракомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ блюдъ. Сперва хозяйка „подала на столъ“ мороженую тюленину и сало; затѣмъ послѣдовало что то вродѣ кислой капусты—это были квашенные листья полярной ивы. На десертъ подали тюленью печенку и тюленью кровь—все, само собой понятно, мороженое. Кромѣ квашенныхъ листьевъ чукотскія женщины собирають лѣтомъ ягоды, которыя тоже заготавливають на зиму особымъ образомъ. Оленьи

мясо,—особенно лакомымъ кускомъ считается языкъ,—
 тюленина, моржовина, рыба—вотъ пища чукчей, которою
 промышляютъ мужчины. Богатство заключается въ
 стадахъ оленей. Большихъ стадъ теперь мало. Чукча
 страстно любитъ своихъ оленей и расстаётся съ ними,
 какъ бы многочисленно ни было его стадо, въ большую
 неохотой. Съ оленьимъ стадомъ очень много хлопотъ.
 Много требуется опыта и ловкости, чтобы сохранить
 стадо цѣлымъ. Полудикіе олени готовы разбѣжаться
 отъ пустяковой причины. Разбѣжавшись въ разныя
 стороны, они уже не собираются сами собою въ прежнее
 стадо, а пасутся врозь и черезъ нѣсколько дней ди-
 чаютъ совершенно. Обыкновенно чукчи хорошо знаютъ
 своихъ и чужихъ оленей, но, несмотря на свойственное
 этому народу отвращенію къ воровству, всегда всетаки
 найдутся охотники перенять чужихъ животныхъ. Не
 разъ случалось, что богатый, всѣмъ обезпеченный чукча
 во мгновеніе ока превращался такимъ образомъ въ
 бѣдняка; богатство его разбѣгалось по тундрѣ. Если
 не удалось собрать хотя часть оленей, то хозяину не
 остается ничего другого, какъ отыскать богатаго род-
 ственника и попроситься къ нему въ пастухи. Кто
 владѣетъ стадомъ, тотъ посвящаетъ ему все свое вни-
 маніе, всѣ силы. Чукча хорошо знаетъ, что стадо не
 только обезпечиваетъ его всѣмъ — пищею, жилищемъ,
 одеждой, орудіями, но доставляетъ сверхъ того вліяніе
 и власть. Сколько родственниковъ ищетъ его стойбища,
 чтобы откормиться отъ голодухи на даровомъ угощеніи!
 Сколько бѣдняковъ, бывшихъ, можетъ быть, еще не-
 давно богачами, кормится возлѣ его стадъ и зависитъ
 отъ его воли! Ему нечего опасаться полярной весны,
 когда во всѣхъ шатрахъ запасы пріѣдены, а ни звѣря,
 ни рыбы въ морѣ еще нѣтъ, когда голодные дикари

бродятъ, какъ тѣни, и готовы питаться всякими отбросами, какъ напр. костями, оставшимися на мѣстѣ ихъ прежнихъ трапезъ. Но вотъ разносится вѣсть, что появился морской звѣрь. Мужчины спѣшатъ со своимъ оружіемъ на ледъ и возвращаются съ добычей. Обиліе и веселіе вновь водворяется въ шатрахъ. Если нѣтъ тюленей и моржей, чукчи ловятъ рыбу. Способъ ловли крайне простъ. Рыболовъ,—чаще всего это женщины,—пробиваетъ во льду орудіемъ вродѣ лома небольшое отверстіе. Онъ выгребаетъ изъ него сѣткой ледъ и затѣмъ простымъ крючкомъ таскаетъ изъ воды рыбу, подцѣпляя ее за хвостъ, за бокъ, за что попало. Дѣло въ томъ, что рыба, отдѣленная ледяной корой отъ воздуха, дышитъ плохой водой; она цѣлыми толпами устремляется къ мѣсту, гдѣ чувствуетъ воду, освѣженную соприкосновеніемъ съ воздухомъ. Рыбу ѣдятъ сырой, мороженой. Когда запасы начинаютъ истощаться, а добычи еще нѣтъ, чукчи садятся на голодную пищу; въ это время за столомъ ихъ появляются супъ изъ уцѣлѣвшихъ подъ сѣгомъ листьевъ; еще чаще они собираютъ кости, дробятъ ихъ на камнѣ молоткомъ, представляющимъ небольшой камень, прикрѣпленный къ костяной рукояткѣ съ помощью жилъ, и затѣмъ, смѣшавъ „костяную муку“ съ тюленьей кровью, варятъ похлебку.

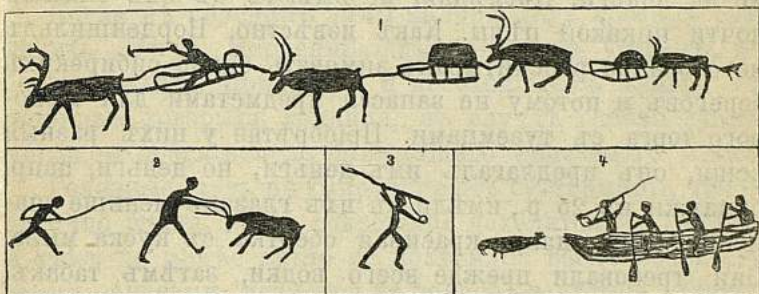
Норденшильдъ не засталъ уже чукчей въ вѣкѣ каменныхъ орудій. Они владѣли множествомъ металлическихъ предметовъ, какъ то посудой, орудіями и оружіемъ, которое они вымѣниваютъ у американцевъ на мѣха и продукты своего промысла. Въ прежнія времена чукчи владѣли большимъ количествомъ оленей. Затѣмъ съ запада къ нимъ придвинулись русскіе, проникшіе въ бассейнъ Лены. Отъ русскихъ чукчи получили первыя

железные изделия, познакомились с огнестрельным оружием и успели оценить превосходство металлов. При своей многочисленности и свирепости этот народ никогда никому не подчинялся, в том числе и русским, которые, после нескольких столкновений, принуждены были оставить чукчей в покое. В то время, как все инородцы Сибири были обложены „ясаком“, т. е. данью в виде мехов, чукчи никогда ничего не платили и не признавали никаких властей, самое большее, до чего они снисходили, это до мѣновой торговли, ради которой они ежегодно появляются в русских поселеньях на рѣкѣ Колымѣ. Забравъ здѣсь товаръ, большею частью меха, они везутъ ихъ на саняхъ, запряженных оленями или собаками, къ берегамъ Берингова моря. Здѣсь ихъ поджидаютъ американскіе торговцы съ заготовленными товарами: ромомъ, стальными топорами, ножами, котлами и котелками, а также с огнестрельнымъ оружиемъ, т. е. съ винтовками Винчестера и патронами къ нимъ. Благодаря этому чукчи оказываются лучше вооруженными, снабженными лучшими инструментами, чѣмъ живущіе о бока съ ними русскіе, считающіе себя господами надъ ними. На всѣхъ картахъ Чукотская земля показана принадлежащей Россіи, на самомъ же дѣлѣ тамъ никакой власти нѣтъ. Несмотря на превосходныя американскія изделия, чукчи всетаки пользуются въ своемъ домашнемъ обиходѣ множествомъ вещей, сдѣланныхъ изъ рога, изъ камня, изъ костей. Трудно себѣ представить, какую роль играетъ въ жизни полярныхъ народовъ кость. Вещество это отличается необыкновенной крѣпостью и отлично противустойтъ гніенію. Кромѣ того оно находится въ изобиліи подъ рукою. Не говоря про кости добываемаго звѣря, какъ напр., кости

моржей, оленей и медвѣдей, полярные инородцы имѣютъ еще громадныя запасы ископаемыхъ костей. Мы уже описывали залежи мамонтовой кости на Новосибирскихъ островахъ. Здѣсь, въ Чукотіи, Норденшильдъ имѣлъ возможность наблюдать кромѣ того множество китовыхъ, именно нарваловыхъ костей, принадлежащихъ Богъ вѣсть когда погибшимъ животныхъ. Море выбросило ихъ на берегъ и погребло подъ горами песку, изъ котораго обломки торчатъ своими побѣлѣвшими на воздухъ концами. Кость превосходный матеріалъ для саней, которыя при бѣшенномъ собачьемъ бѣгѣ и при значительномъ грузѣ, не выдержали бы ударовъ, если бы дѣлались изъ одного дерева. Американскіе эскимосы даже строятъ себѣ изъ костей хижины. Для этого они пользуются громадными рогатыми позвонками китовъ. Изъ нихъ, какъ изъ камней, выводится остовъ хижины, промежутки затыкаютъ мхомъ, а все сооруженіе присыпаютъ землей.

Особенное вниманіе Норденшильда привлекли къ себѣ чукотскія издѣлія изъ костей, украшенныя рѣзбой, представлявшей наивныя, но очень живыя и любопытныя сцены изъ ихъ жизни и быта. Какъ ни грубы чукотскія изображенія, все же рисунки ихъ гораздо выше самоѣдскихъ, какіе Норденшильдъ наблюдалъ въ Хабаровѣ, они разнообразнѣе и реальнѣе эскимосскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ своимъ характеромъ тѣ любопытныя изображенія допотопныхъ звѣрей, какъ напр. мамонтовъ, какіе были открыты въ пещерахъ, служившихъ жилищемъ человѣку каменнаго вѣка. Это не значитъ, конечно, что чукчи прямые потомки тѣхъ людей, но несомнѣнно, что люди каменнаго вѣка Европы по своей культурѣ, по своимъ способамъ чувствовать и думать близко подходили къ чукчамъ. Вотъ выводъ,

къ какому приходять всякій, какъ скоро ему удастся увидѣть въ музеѣ рядомъ издѣлія современныхъ дикарей и тѣхъ дикарей, которые несомнѣнно были нашими предками. Кромѣ рисунковъ и рѣзбы Норденшильдъ нашелъ у чукчей также шитые узоры. Чукотскія женщины умѣютъ красить кожу съ помощью какихъ-то красокъ, добываемыхъ изъ земли или отъ растеній. На ней они вышиваютъ бѣлыми оленьими волосами узоры, пользуясь для этой цѣли кромѣ того также американскими нитками. Любимый цвѣтъ у нихъ красный.

Чукотскіе рисунки.

Норденшильдъ съ необыкновеннымъ любопытствомъ наблюдалъ, какъ въ бытѣ чукчей предметы древней ихъ культуры мирно уживались съ новыми предметами, которые они заимствуютъ у болѣе счастливыхъ народовъ. Онъ скупалъ все, что только могъ достать для Стокгольмскаго музея, торопясь спасти отъ гибели предметы житейскаго обихода дикаго полярнаго народа, которые исчезаютъ съ каждымъ днемъ все быстрѣе и быстрѣе. Новыя орудія должны сыграть громадную роль въ жизни чукчей. Можетъ быть, благодаря имъ, чукчи не испытаютъ участи другихъ сибирскихъ ино-

родцевъ, какъ напр. юкагировъ, тунгусовъ, самоѣдовъ, остяковъ, которые быстро вымираютъ, такъ какъ жизнь стала для нихъ съ появленіемъ русскихъ слишкомъ трудной: добыча сократилась, заниматься земледѣліемъ они не могутъ, болѣзни, подати и спиртные напитки губятъ ихъ здоровье, помощи же ниоткуда нѣтъ. Несомнѣнно, что вооруженный превосходной американской винтовкой чукча гораздо легче добываетъ себѣ пищу, чѣмъ если бы онъ пользовался своими гарпунами.

Торговлю съ русскими и американцами чукчи ведутъ не на деньги. Послѣднія не имѣютъ въ ихъ глазахъ почти никакой цѣны. Какъ извѣстно, Норденшильдъ не особенно рассчитывалъ зимовать близь сибирскихъ береговъ и потому не запасся предметами для мѣнового торга съ туземцами. Приобрѣтая у нихъ разныя вещи, онъ предлагалъ имъ деньги, но деньги, напр. бумажки въ 25 р., имѣли въ ихъ глазахъ меньше значенія, чѣмъ, напр., красивая обертка съ куска мыла. Они требовали прежде всего водки, затѣмъ табакъ, иголки, котелки, ножи, топоры, пилы, бурава и другія желѣзные орудія; далѣе предметомъ ихъ желаній оказывались полотняныя и шерстяныя рубахи, самыхъ яркихъ цвѣтовъ платки, сахаръ. Легко можно было замѣтить, что чукчи порядкомъ понаторѣли въ торговлѣ, т. е. они отлично знали цѣну и пользу предметовъ; не прочь были и обмануть при случаѣ, напр., продать одну и ту же вещь два раза или двоимъ заразъ, подсунуть вмѣсто мѣха одного звѣря мѣхъ другого. Также были они щедры на обѣщанія, которыя вовсе не собирались исполнять, и ужасно надоѣдали всѣмъ назойливымъ попрошайничествомъ. При такихъ торгашескихъ склонностяхъ, казалось бы, отъ нихъ можно было ожидать еще большей безчестности, напр. воровства,

грабежа. Но этого какъ разъ не было. Кучки ихъ изъ ближнихъ и дальнихъ стойбищъ толпились на палубѣ по цѣлымъ днямъ и свободно проникали, куда только было можно; тѣмъ не менѣе ничего ни разу не пропало. Даже когда наступили дни голода, истощенные чукчи не имѣли и въ помышленіи попытаться овладѣть силой запасами экспедиціи. Одни покорно ждали, пока поваръ не угоститъ ихъ остатками трапезы или нарочно приготовленной для нихъ похлебкой; другіе добровольно исполняли разныя работы въ помощь командѣ въ обмѣнъ на хлѣбъ.

Когда въ серединѣ зимы напоръ льда грозилъ раздавить „Вегу“, Норденшильдъ приказалъ устроить на берегу складъ припасовъ и необходимыхъ вещей, съ помощью которыхъ команда, въ случаѣ гибели судна, могла бы добраться до ближайшаго обитаемаго мѣста.

Голодные, чуть не умиравшіе отъ безкормицы, чукчи отлично знали, какія сокровища находятся въ складѣ, и тѣмъ не менѣе никто не покусился воспользоваться этими запасами, несмотря на полное отсутствіе стражи. Изъ этого видно, что воровство у своихъ или у чужихъ, подобно тому, какъ это наблюдается у нѣкоторыхъ другихъ полярныхъ народовъ, неизвѣстно чукчамъ. Не то чтобы они высоко цѣнили собственность или сознавали преступность присвоенія ея. Имъ, какъ другимъ первобытнымъ народамъ, не приходитъ еще въ голову мысль, что чужое можно сдѣлать своимъ. Явленіе, подобное этому, наблюдается на землѣ вездѣ: дикія племена необузданы въ своихъ страстяхъ, неустойчивы въ настроеніи, но честны; болѣе культурные, наоборотъ, гораздо болѣе сдержаны и въ то же время гораздо болѣе безчестны.

Нечувствительность къ холоду, къ недостатку пищи,

необыкновенная выносливость составляют особенности, которыя чукчи раздѣляютъ съ другими полярными племенами. Въ этомъ отношеніи полярный человѣкъ можетъ поспорить даже съ животными, съ какимъ нибудь бѣлымъ медвѣдемъ или песцомъ, которые голодаютъ недѣлями, не лишаясь ни тѣлесной силы, ни энергіи. Выносливость чукчей прямо поразительна. Такъ при одной санной экспедиціи проводникъ чукча бѣжалъ впереди запряженныхъ въ сани ѣздовыхъ собакъ весь путь, т. е. въ теченіи $21\frac{1}{2}$ часа. На короткихъ привалахъ онъ и не думалъ присаживаться, а бѣгалъ разыскивать дорогу, чинилъ сани и сбрую. Во время остановки, длившейся 6 часовъ, онъ опять таки не спалъ, и слѣдовавшіе затѣмъ 7 часовъ пути опять бѣжалъ впереди поѣзда саней по очень тяжелой, холмистой мѣстности. Надо добавить къ этому, что за все это время проводникъ ничего не ѣлъ, а только непрерывно жевалъ табакъ и изрѣдка выкуривалъ трубочку его. Собаки, которыя также ничего не ѣли, уступали человѣку въ выносливости: на привалахъ онѣ спали, свернувшись клубкомъ, прикрывъ мордочку пушистыми хвостами и, прижавшись другъ къ другу, предоставляя снѣгу накрыть себя бѣлой пеленой.

Многіе наблюдатели, имѣвшіе возможность изучить быть чукчей въ теченіе долгихъ лѣтъ, сообщаютъ объ ужасной необузданности ихъ характера, о страшныхъ взрывахъ ярости, о затаенной мстительности, съ какою они терпѣливо ждутъ случая отплатить за нанесенныя обиды. Все это вѣрно, но въ то же время обычныя отношенія между обитателями одной и той же палатки, такъ же какъ при сношеніяхъ съ чужими, носили печать необыкновеннаго миролюбія. Сколько разъ ни посѣщали члены экспедиціи стойбища чукчей, сколько

ни наблюдали ихъ у себя на кораблѣ, ни разу никому не удалось слышать браннаго слова между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми. Поведеніе дѣтей ясно показывало, что они совершенно незнакомы съ колотушками, съ грубыми окриками и другими выраженіями нетерпѣливаго гнѣва. Чукотскіе ребята посѣщали корабль вмѣстѣ съ родителями и доставляли всѣмъ немало удовольствія. Поведеніе этихъ маленькихъ дикарей поражало европейцевъ еще сильнѣе, чѣмъ поведеніе взрослыхъ. Если кусокъ сахару давали одному, то можно было быть увѣреннымъ, что всѣ по очереди пососутъ его, а остатки будутъ переданы родителямъ для той же цѣли. Родители также дѣлились каждымъ лакомымъ кускомъ съ дѣтьми, и при раздѣлѣ не случилось ссоръ изъ за того, что одному дали больше, чѣмъ другому. Поразительна была также терпѣливость, обнаруживаемая маленькими чукчами по отношенію къ боли или къ какому-нибудь неудобству: одна маленькая дѣвочка скатилась съ лѣстницы и ударилась головой объ уголъ такъ сильно, что, казалось, была совершенно оглушена толчкомъ; тѣмъ не менѣе она не плакала. Другой разъ трехлѣтній мальчикъ свалился въ ледяную яму и никакъ не могъ выбраться изъ нея самъ; тогда онъ улегся въ ней и остался смирно лежать, пока какой-то матросъ не замѣтилъ и не вытащилъ его оттуда.

Маленькій чукча.

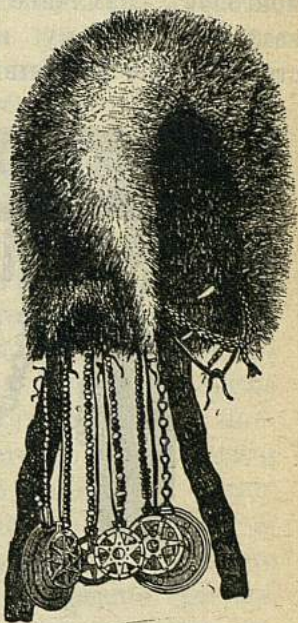
Женщины занимаютъ въ семьѣ почти одинаковое положеніе съ мужчинами. Онѣ участвуютъ во всякомъ

совѣтъ: передъ тѣмъ какъ продать какую-нибудь вещь, мужъ обыкновенно совѣтуется съ женой, какъ если бы имущество считалось общимъ достояніемъ. На самомъ дѣлѣ оно такъ и есть, потому что чукотскія женщины работаютъ очень много. На ихъ рукахъ дѣти, изготовленіе пищи, собираніе и плавленіе льда для питья—тамъ вѣдь мелкія рѣчки и ключи промерзаютъ зимою до дна—онѣ убираютъ палатку, шьютъ, обдѣлываютъ шкуры и жилы для нитокъ, участвуютъ въ рыбной ловлѣ; лѣтомъ онѣ собираютъ въ тундрѣ громадныя количества „зелени“ и заготавливаютъ ее впрокъ. Охота и рыбная ловля составляютъ обязанность мужчинъ, которые въ силу этого надолго покидаютъ стойбища, а когда возвращаются, то по большей части бездѣльничаютъ, то есть, болтаютъ, спятъ, сидятъ часами у огня съ неразлучной трубкой и самое большее, что чинятъ свои снасти и оружіе.

Общественныя увеселенія у чукчей очень рѣдки, они заключаются большею частью въ пиршествахъ. Изрѣдка молодежь пляшетъ; пляска состоитъ въ томъ, что двѣ дѣвушки, положивъ другъ другу руки на плечи, прыгаютъ, вѣрнѣе, топчутся на мѣстѣ и покачиваются въ стороны, на подобіе того, какъ нѣмецкіе крестьяне танцуютъ свой вальсъ. Изрѣдка составляется нѣчто вродѣ хоровода. Пѣсней очень мало. Должно быть стужа не располагаетъ къ тому. Однако музыку чукчи умѣютъ цѣнить. Одинъ изъ посѣтившихъ корабль чукчей оказался пѣвцовъ съ хорошимъ голосомъ. Когда онъ пѣлъ, слушатели внимали ему, какъ зачарованные. Вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ этого рѣзко выдѣлялся изъ среды другихъ, какъ лицо, одаренное какой-то особой силой.

Насколько можно было судить, религіозныя вѣрова-

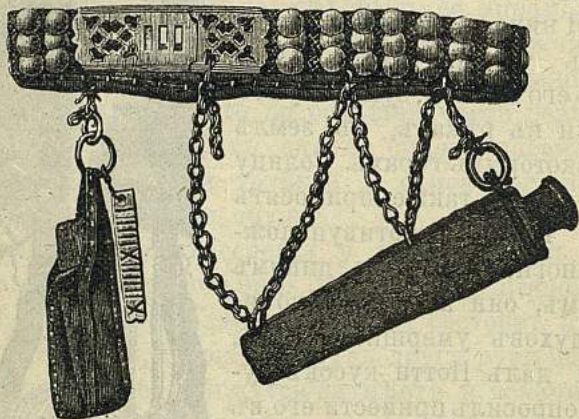
нія не играютъ большой роли въ жизни чукчей. Они не очень заботятся о мірѣ духовъ и довольствуются тѣмъ, что приносятъ имъ самыя скромныя жертвы. „Однажды, — рассказываетъ лейтенантъ Нордквистъ, — когда я возвращался къ судну съ чукчей Нотти, онъ напомнилъ мнѣ, что было бы хорошо принести духу моря, Итъякенъ Камаку, небольшую жертву пищей и водкой, чтобъ добыча была обильнѣе. Я спросилъ его, какой видъ имѣетъ духъ. „Я никогда не видалъ его“, отвѣтилъ чукча. Кромѣ этого духа, по его мнѣнію, существуютъ еще духи въ рѣкахъ, въ землѣ и на нѣкоторыхъ горахъ. Солнцу и лунѣ чукчи также приносятъ жертвы, но, въ противоположность многимъ другимъ дикимъ племенамъ, они не очень почитаютъ духовъ умершихъ. Разъ, когда я далъ Нотти кусокъ сухаря и попросилъ принести его въ жертву, онъ сдѣлалъ въ снѣгу рыбнымъ крючкомъ небольшую ямку, отломилъ маленькій кусочекъ сухаря и покрошилъ его туда. Остальной сухарь онъ отдалъ мнѣ назадъ со словами, что „камаку“, т. е. духу, больше не требуется, и что теперь въ наши сѣти попадетъ больше рыбы, чѣмъ раньше. По его словамъ они приносятъ такія жертвы при каждой охотѣ. Безъ сомнѣнія, этимъ можно объяснить тѣ кучки медвѣжьихъ и тюленьихъ череповъ,

Самоѣдскій капоръ.
(См. стр. 39).

а также оленьихъ роговъ, какія мы часто находили на Чукотскомъ побережьи, особенно на высотахъ“.

Въ каждомъ шатрѣ имѣется шаманскій бубень, съ помощью котораго шаманы всѣхъ азіатскихъ племенъ вызываютъ духовъ. Обрядъ вызыванія духовъ и бесѣда съ ними съ цѣлью узнать волю божествъ называется у монголовъ „камланье“, а шаманъ — „камъ“. У чукчей камы, повидимому, не играютъ особой роли. Бубень стараются не показывать чужимъ, но въ то же время

Самоѣдскій поясъ (См. стр. 39).

съ нимъ обращаются не особенно почтительно. Такъ какъ чукчи, подобно эскимосамъ и другимъ полярнымъ народцамъ, раскинуты по громаднымъ пространствамъ, и отдѣльные роды и семьи ихъ сталкиваются рѣдко, то религія не можетъ имѣть у нихъ большого значенія. Религіозныя вѣрованія, незамѣтно для самихъ людей, служатъ, обыкновенно, къ тому, чтобы пугать людей гнѣвомъ божества и устранять этимъ разныя дѣйствія членовъ племени, напр. насилія, отъ которыхъ

происходятъ раздоры, т. е. вредъ всему племени. Грабителя, вора, нарушителя слова уличаютъ съ помощью духовъ. Страхъ духовъ, страхъ передъ ихъ карой удерживаетъ дикаря отъ совершенія преступленій. Но мы уже видѣли, что жизнь въ чукотскихъ стойбищахъ протекаетъ довольно мирно. Поэтому обращаться къ помощи духовъ имъ приходится рѣдко. Страхъ передъ такимъ загадочнымъ существомъ, какимъ является духъ, какъ всякій страхъ неразсудительнаго человѣка, безсмысленъ. Поэтому дикарь боится всего такого, что ему непонятно, онъ суевѣренъ. Чукчи, конечно, также сильно заражены суевѣріемъ. Особенно ясно ихъ суевѣрность обнаружилась при одномъ случаѣ. Для магнитныхъ наблюденій ученые выстроили на берегу изъ снѣга и льда хижину, въ которой помѣстили свои инструменты. Въ этой хижинѣ наблюдателямъ приходилось проводить много часовъ за работой при свѣтѣ яркихъ лампъ. Свѣтъ ночью и непонятныя дѣйствія чужихъ людей возлѣ какихъ-то странныхъ металлическихъ приборовъ навели на чукчей ужасный страхъ. Вскорѣ среди нихъ распространился слухъ, что колдовство чужеземцевъ должно вызвать потопъ: море поднимется, зальетъ берегъ и уничтожитъ ихъ стойбища, какъ это по ихъ словамъ уже было однажды въ древнія времена. Безпокойство туземцевъ исчезало только понемногу. Зачѣмъ пришельцамъ потребовался снѣжный домъ, въ которомъ они и не думали жить, чукчи перестали спрашивать, такъ какъ они вообще пришли къ убѣжденію, что всякія глупости, которыя продѣлываютъ пріѣзжіе, вообще невозможно объяснить. Несмотря на сильное любопытство, чукчи входили въ „снѣжный домъ“ съ явными признаками суевѣрнаго страха и вообще

избѣгали его. Заблудившіеся путники рѣшались искать здѣсь защиты только въ сильныя метели.

Голодъ и холодъ—главные враги чукотскаго племени. Къ нимъ присоединяются еще болѣзни. Большая часть болѣзней проистекаетъ отъ ужасающей грязи жилища и одежды. Разныя опухоли, нарывы и сыпи обуреваютъ чукчей. Скучный огонекъ жировыхъ лампъ не позволяетъ плавить много снѣга, такъ что воды хватаетъ только для варки пищи, а не для мытья. Равнодушіе, съ какимъ чукчи подставляютъ полярному холоду лицо, шею, руки, вызываетъ частыя обмороживанія и ужасныя страданія. Страсть чукчей къ спиртнымъ напиткамъ также представляетъ что-то болѣзненное. За водку или американскій джинъ и ромъ можно купить все. Странствующие русскіе и чукотскіе торговцы развозятъ эти напитки на своихъ собачьихъ саняхъ по всей Чукотіи. Появленіе каравана съ водкой—праздникъ для всего стойбища. Съ лихорадочной страстью дикари обмѣниваютъ накопленные продукты на „акакюмилъ“ (огненная вода), и скоро всѣ, кто успѣлъ раздобыть ее, впадаютъ сперва въ легкое опьяненіе, сопровождающееся необыкновенно нѣжнымъ настроеніемъ съ объятіями и поцѣлуями, а затѣмъ въ буйное помѣшательство, кончающееся драками, а иногда убійствами, которыя въ свою очередь вызываютъ нескончаемую месть.

ГЛАВА VI.

Рождество на „Вега“.—Елка.—Несбывшіяся ожиданія.—Медленное наступленіе весны.—Лѣто.—„Вега“ освобождается изъ ледяныхъ оковъ.

Зима тянулась долго. „Вега“ окружало со всѣхъ сторонъ необозримое ледяное поле съ неровной взры-

той поверхностью, вдали темной полоской виднѣлся низкій берегъ. Дни проходили однообразно, безъ приключеній, поэтому когда приблизилось Рождество, то всѣ нашли необходимымъ отпраздновать его какъ можно торжественнѣе. Праздникъ, дѣйствительно, удался на славу; главное, онъ не обошелся безъ елки. Достать настоящую елку нечего было думать, вѣдь первыя жалкія деревья попадаютъ лишь далеко на югѣ, у края тундры. Но нѣсколько догадливыхъ людей сумѣли замѣнить елку чѣмъ то похожимъ на нее. Они заказали чукотскимъ женщинамъ добыть въ тундрѣ изъ подъ снѣгу вѣтокъ той полярной ивы, которая растетъ въ сѣверныхъ странахъ въ видѣ маленькаго приземистаго деревца, едва выдвигающаго свои вѣтви изъ окружающаго мха и травъ. Съ помощью этихъ вѣтокъ и найденнаго на берегу ствола пловучаго дерева люди „Веги“ устроили нѣкоторое подобіе елки, которое наминало имъ рождественское дерево и помогло провести сочельникъ весело и шумно.

Праздники внесли нѣкоторую перемѣну въ однообразную жизнь. Но они кончились, и снова потянулась вереница похожихъ другъ на друга дней. Вдругъ въ январѣ на кораблѣ распространилась вѣсть, будто „Вега“ открывается возможность вырваться изъ плѣна. Дѣло въ томъ, что въ сѣверной части небо приняло темный оттѣнокъ, а этотъ цвѣтъ всегда указываетъ въ полярныхъ странахъ на появленіе свободной отъ льда воды. Зимой небо отражаетъ скудный свѣтъ однообразной снѣговой пелены замерзшаго моря и потому, хотя оно и темно, но эта темнота отликаетъ слабымъ, неяснымъ свѣтомъ. Но едва сильные вѣтры взломаютъ гдѣ нибудь ледъ, едва приливы или теченія раздвинутъ его въ широкую полыню, какъ надъ черной поверхностью

воды небо темнѣть, и этотъ сумракъ виденъ издали въ видѣ темной полосы надъ горизонтомъ.

Вскорѣ обнаружилось, что далеко на сѣверѣ морской ледъ раздвинулся и открылъ свободное пространство моря, которое протягивалось оттуда на востокъ.

Напряженное состояніе охватило всѣхъ. Свободная вода, дорога домой, оказывалась близко, но разстояніе до нея было всетаки настолько значительно, что никакія человѣческія силы не смогли бы проложить до него каналъ, по которому „Вега“ могла бы вырваться на волю. Ни порохъ, ни динамитъ не могли выполнить, этой задачи. Но стоило только подуть сильному южному вѣтру, какъ онъ взломалъ бы береговой ледъ и отнесъ бы „Вегу“ вмѣстѣ съ его осколками на сѣверъ. Предположеніе, что вѣтеръ дѣйствительно задуетъ, не являлось голой фантазіей: чукчи, которые хорошо знакомы съ мѣстной погодой, также ожидали вѣтра съ юга и предсказывали, что чудесное судно со странными людьми не сегодня завтра покинетъ ихъ. Дикари относились къ ожидаемому событію съ совершенно противоположными чувствами, чѣмъ пассажиры „Веги“. Они показывали знаками, какъ горько они будутъ плакать, если „Вега“ покинетъ ихъ.

Но ни чукчамъ не пришлось испытать огорченія, ни людямъ „Веги“—радости. Жадно-ожидаемый южный вѣтеръ ни за что не хотѣлъ явиться на помощь поллярнымъ узникамъ.

Прошелъ январь и февраль, за ними мартъ, апрѣль, наступилъ май. Повѣяло тепломъ, и вмѣстѣ съ весною расцвѣли новыя надежды. Снова появилась открытая вода. Въ сосѣдствѣ самой „Веги“ ледъ не разъ расходился, образуя довольно широкіе каналы, но обыкновенно края ихъ смыкались раньше, чѣмъ отверстіе

успѣвало протянуться до „Веги“. Обыкновенно въ концѣ мая полярное море начинаетъ сбрасывать свои оковы. Солнечное тепло, какъ ни слабо оно, льется на ледъ день и ночь и разрыхляетъ его. Вѣтеръ и волненія ломаютъ хрупкую поверхность, разбивая ее на отдѣльные льдины и ледяныя поля.

Путешественники, конечно, ожидали, что и здѣсь, у восточнаго конца Азіи, явленія пойдутъ обычной чередой. Они не хотѣли вѣрить своимъ друзьямъ-чукчамъ, которые убѣжденно говорили имъ, что о продолженіи плаванія нечего и думать раньше, чѣмъ черезъ два мѣсяца. Какъ, пробыть все лѣто въ виду того же берега! Знать, что всюду море свободно, и оставаться прикованнымъ къ той же точкѣ? Не можетъ быть!

Однако, это было такъ. Май оказался совсѣмъ не похожимъ на весенній мѣсяцъ: было холодно. Замѣтно теплѣть стало только въ іюнѣ. Пригорки и вершины холмовъ въ тундрѣ обнажились отъ снѣга. Вездѣ въ низинахъ скопились лужи талой воды. Необыкновенно густой туманъ обволакивалъ всѣ предметы и лежалъ надъ землей, производя любопытные обманы: пучекъ травы казался большимъ кустарникомъ, небольшой камень—глыбой, и если по сосѣдству пробѣгалъ своей трусливой походкой песецъ, то казалось, что это скачетъ громаднѣйшихъ размѣровъ медвѣдь.

Первый цвѣтокъ ботаникъ „Веги“ сорвалъ 23 іюня! Лишь недѣлю спустя, тундра стала одѣваться зеленью. 27 іюня проснулась первая муха, и стали выползать на свѣтъ божій другія насѣкомыя. Въ концѣ іюня пошелъ даже дождь. Но всѣ эти признаки весны были обманчивы. Казалось, точно весна награждаетъ въ этихъ странахъ своимъ присутствіемъ только сушу,

опасаясь заглянуть на море; по крайней мѣрѣ толщина льда, который по прежнему облегалъ „Вегу“ со всѣхъ сторонъ, почти не измѣнилась, несмотря на то, что поверхность его изобличала упорную работу солнца. Множество выброшенныхъ предметовъ, валявшихся вокругъ судна, какъ, напр., жестянки изъ подъ консервовъ, поглощали столько тепла, нагрѣвались отъ него такъ сильно, что быстро плавили подъ собой ледъ и погружались въ образуемые ими самими ямы.

Прошелъ июнь, наступилъ июль, но ничего не измѣнилось въ положеніи судна. Чукчи давно смѣнили зимнія одежды на лѣтнія. Уже они забыли голодную зиму, когда изможденные фигуры ихъ толпились на палубѣ „Веги“ возлѣ кухни въ ожиданіи раздачи пищи. Теперь они промышляли тюленей и рыбу на краю свободной воды, близкое присутствіе которой бѣсило путешественниковъ. Нѣсколько разъ ученые, поставивъ лодку на сани, отправлялись туда же и ловили для коллекціи рыбъ и морскихъ животныхъ.

Надежда на близкое освобожденіе до такой степени покинула Норденшильда, что еще 17 іюля онъ рѣшилъ отправиться на сушу изслѣдовать одну рѣку, въ берегахъ которой по словамъ чукчей обнажились кости какихъ то невиданныхъ животныхъ. Все было пригото- влено для экспедиціи.

18 іюня сѣли за столъ, чтобы послѣ обѣда переправиться на берегъ, гдѣ Норденшильда ожидалъ заказанный имъ проводникъ-чукча. Вдругъ въ срединѣ обѣда всѣ почувствовали, будто судно начало покачиваться.

Капитанъ, а за нимъ и другіе обѣдающіе выскочили наверхъ. Ледъ двигался! Онъ расходился и открывалъ кругомъ свободную воду. Дикій восторгъ,

охватившій плѣнниковъ, не поддается никакому описанію. Всѣ, особенно матросы, обнимали, цѣловали другъ друга. Взоры радостнаго смѣха, крики, возгласы сотрясали воздухъ. Мгновеніе спустя, когда улегся первый припадокъ веселья, люди кинулись по своимъ мѣстамъ, и работа закипѣла.

18 іюля въ 3½ часа дня машина „Веги“ пришла въ движеніе, вода забурлила подъ кормой, и украшенное яркими флагами судно тронулось подъ парами и парусами на востокъ.

Ледяной плѣнь, длившійся 294 дня, кончился.

ГЛАВА VII.

У береговъ Америки.—Эскимосы.—Комодорскіе острова.—Вымирающіе звѣри.—Котиковый промыселъ.—Прибытіе въ Японію.—Крушеніе „Норденшильда“.—Торжественная встрѣча.—Возвращеніе домой.

Спустя двое сутокъ, именно 20 мая, „Вега“ вступила въ Беринговъ проливъ. Въ 11 ч. дня судно шло какъ разъ серединой узкаго протока, который отдѣляетъ Новый Свѣтъ отъ Стараго и соединяетъ Сѣверное Полярное море съ Тихимъ океаномъ. Сѣверо-восточный проходъ былъ открытъ! Какъ разъ 20 мая 1553 г. сэръ Гюгъ Вилугби вышелъ въ море при радостныхъ кликахъ провожавшей его толпы съ цѣлью открыть эту дорогу на востокъ, и лишь 326 лѣтъ спустя, послѣ цѣлаго ряда невѣроятныхъ усилій, цѣной потери многихъ жизней и громаднхъ капиталовъ, цѣль была наконецъ достигнута. Пушечные залпы и множество яркихъ флаговъ, которыми расцвѣтилась „Вега“, привѣтствовали высокій угрюмый мысъ, мысъ Дежнева, едва обрисовывавшійся въ туманѣ съ правой стороны

судна, этотъ крайній восточный пунктъ Азіатскаго материка. Когда-то 230 лѣтъ тому назадъ кучка сибирскихъ казаковъ вышла подъ предводительствомъ Дежнева на утлыхъ ладьяхъ изъ рѣки въ море, направилась въ поискахъ за новой добычей на востокъ и обогнула этотъ мысъ. Плаваніе Дежнева было совершенно забыто; Норденшильдъ первый вспомнилъ о подвигѣ своего безвѣстнаго предшественника и предложилъ назвать мысъ его именемъ. „Вега“ посѣтила два залива Чукотскаго полуострова. Норденшильду хотѣлось познакомиться съ обитателями этой части Азіи: онъ надѣялся встрѣтить среди нихъ американскихъ эскимосовъ. Однако на берегу жили только чукчи. Между ними нашлось немало знакомыхъ, которые посѣщали „Вегу“ зимой. Тогда „Вега“ пересѣкла проливъ и направилась къ американскому берегу. Здѣсь, въ заливѣ Кларенсъ, капитанъ нашелъ безопасную гавань, въ которой судно могло остаться, если бы пожелало, надолго, не опасаясь ни бурь, ни напора льда.

Большія, обтянутыя шкурами лодки и юркіе каяки немедленно окружили „Вегу“, но туземцы, которые торопливо карабкались теперь на бортъ, были не чукчи; это были эскимосы. Никто изъ нихъ не понималъ ни слова по чукотски, но нѣкоторые говорили немного по англійски. На берегу стояли ихъ временныя хижины. Это были легкія палатки, обтянутыя тонкой бумажной матеріей. Первое же знакомство съ бытомъ эскимосовъ открыло изслѣдователямъ любопытную картину: среди предметовъ, которыми они пользовались для промысла и употребляли въ хозяйствѣ, встрѣчались рядомъ другъ съ другомъ самое совершенное оружіе американской фабрикаціи и предметы, сдѣланные изъ камня или кости, какіе употребляли предки этихъ туземцевъ, мо-

жетъ быть, тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ общемъ американскіе эскимосы оказались культурнѣе чукчей. Въ жилищахъ замѣчалось больше чистоты. Полъ былъ устланъ плетеными изъ травъ циновками, вещи лежали каждая на своемъ мѣстѣ, а не валялись, какъ попало. Посуда и орудія для промысла, именно топоры, ножи, пилы, котлы, ружья, револьверы все было американской фабрикаціи; но рядомъ съ ними встрѣчались самодѣльные луки, дротики, разные снасти изъ камня и

Эскимосы порта Кларенсъ.

кости. Эти послѣдніе предметы обнаруживали куда болѣе тщательную отдѣлку, чѣмъ издѣлія чукчей. Одни изъ нихъ были украшены аккуратной и искусной рѣзбой, другіе покрыты цвѣтнымъ узоромъ съ помощью графита и красной охры. Особенно разнообразными оказались рыболовные снасти, разные крючки, приманки для крупной и мелкой рыбы.

Если бы изслѣдователь задалъ себѣ вопросъ, кто изъ этихъ племенъ выше, чукчи или эскимосы, то долженъ былъ бы отдать предпочтеніе послѣднимъ не

только потому, что издѣлія ихъ обнаруживали больше искусства, но еще и потому, что эскимосы извлекли изъ своихъ сношеній съ бѣлыми гораздо больше пользы для себя, чѣмъ чукчи, и въ то же время не подверглись тлетворному вліянію цивилизаціи. По всему было видно, что эскимосы порть - Кларенса находятся въ оживленныхъ сношеніяхъ съ американскими промышленниками; однако они совсѣмъ не зарились на водку съ тою страстью, какъ чукчи, и въ мѣновой торговлѣ обнаружили полнѣйшую честность. Ихъ взаимныя отношенія показывали также, что, несмотря на отсутствіе какихъ-либо вождей или начальниковъ, всѣ они миролюбивые и въ полномъ смыслѣ слова благовоспитанные люди. Эти эскимосы не держали оленей; единственнымъ домашнимъ животнымъ являлась собака. Охота и рыбная ловля составляли исключительное занятіе ихъ.

Какъ ни кратко было пребываніе „Веги“ у американскихъ береговъ, все же Норденшильдъ собралъ среди эскимосовъ множество предметовъ ихъ быта. Къ сожалѣнію, онъ не могъ познакомиться съ этимъ народомъ ближе, чтобы сравнить ихъ какъ съ азіатскими племенами, такъ и съ ихъ родичами, обитающими въ Гренландіи. Норденшильдъ скупилъ множество предметовъ для музея и сдѣлалъ наблюденія, которыя должны были помочь разрѣшить вопросъ, какъ люди переселялись въ этихъ мѣстахъ: азіаты ли переходили Беринговъ проливъ и заселяли Америку, или же, наоборотъ, американскія племена переправлялись въ Азію и занимали сѣверо-восточныя части ея. Чтобы близко изучить бытъ племени, надо прожить среди него долгое время. Норденшильдъ не могъ сдѣлать этого. Кромѣ человѣка его интересовала вся остальная природа, и

онъ спѣшилъ изучить главнѣйшія явленія ея, представляя изслѣдовать подробности позднѣйшимъ ученымъ.

Отъ американскаго берега „Вега“ направилась къ Комодорскимъ островамъ. Эта группа пріютила несчастнаго Беринга, знаменитаго мореплавателя петровской эпохи, въ его послѣднее плаваніе. Когда въ ноябрѣ 1741 г. судно его потерпѣло крушеніе, Берингъ и 75 спутниковъ его попали на пустынный берегъ. Самъ Берингъ и около 40 ч. экипажа не вынесли лишеній суровой зимы и погибли отъ цынги. Остальныхъ, еле живыхъ, спасли въ августѣ 1742 г. Въ числѣ спасшихся былъ врачъ и естествоиспытатель Штеллеръ, который первый повѣдалъ міру о необыкновенномъ богатствѣ этихъ острововъ цѣннымъ морскимъ звѣремъ, именно котиками. Съ тѣхъ поръ промышленники не переставали посѣщать острова и опустошили ихъ до такой степени, что промыселъ сильно упалъ вслѣдствіе того, что котики почти перевелись.

Норденшильдъ явился сюда въ такое время, когда человѣческая жадность еще не истребила звѣря. Острова принадлежать Россіи и были въ то время отданы въ аренду одной американской компаніи, которая имѣла тамъ колонію и держала рабочихъ.

Въ Штеллерово время Комодорскіе острова прямо кишѣли звѣремъ. Напримѣръ, песцы водились въ такомъ количествѣ, что люди не знали, какъ отдѣлаться отъ нихъ: звѣри стаскивали со спящихъ шапки, рукавицы, одѣяла, чуть не отгрызали имъ носы; они обгладывали трупы умершихъ на глазахъ живыхъ, слишкомъ слабыхъ, чтобы отогнать ихъ. Песцы тащили все, что могли, даже совсѣмъ ненужныя имъ вещи, какъ напр. металлическія, которыя прятали въ камняхъ. Ихъ съ

трудомъ можно было отогнать палками. Теперь песцовъ осталось такъ мало, что, напр., Норденшильдъ за все время своего пребыванія не видѣлъ ни одного.

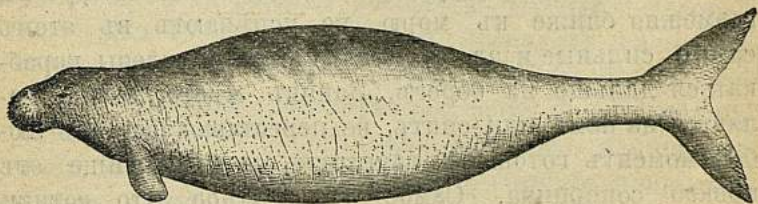
Затѣмъ здѣсь въ изобиліи водилась морская выдра, (или морской бобръ), мѣхъ которой оцѣнивался уже въ то время въ 80—100 р., а теперь стоитъ до 3000. Люди Беринга, шутя, набили около 900 шкуръ. Въ

П е с е ц ъ.

настоящее время это крайне рѣдкій звѣрь. Но самымъ любопытнымъ звѣремъ являлась громадная морская корова. Это животное достигало 4—5 сажень въ длину и вѣсило до 250 пудовъ, оно было покрыто волосатой шкурой темнаго цвѣта съ бѣлыми пятнами, снабжено плавниками и, вмѣсто зубовъ, имѣло роговыя пластинки, съ помощью которыхъ, на подобіе настоящей коровы,

щипало прибрежныя водоросли. Штеллеръ разсказываетъ, что громадный прожорливый звѣрь подпускалъ къ себѣ людей вплотную и нисколько не смущался, если его трогали и гладили. Морскія коровы паслись стаями, и если убивали одну, то другія употребляли все усилія, чтобы выручить товарища. Въ послѣдній разъ звѣря видѣли, по собраннымъ Норденшильдомъ свѣдѣніямъ, въ 1854 г. Съ тѣхъ поръ онъ исчезъ, очевидно, вымеръ вслѣдствіе жадности промышленниковъ и недостатка безопасныхъ пастбищъ. Теперь о немъ можно судить только по немногимъ уцѣлѣвшимъ

Морская корова.

костямъ, которыя Норденшильдъ успѣлъ собрать на островѣ исключительно благодаря своей настойчивости.

Американская компанія взяла острова въ аренду въ моментъ, когда котики, подобно другимъ звѣрямъ, готовились исчезнуть навсегда. Обязавшись уплачивать за cadaго звѣря по 2 р., компанія немедленно приняла строжайшія мѣры съ цѣлью сохранять звѣря и увеличить такимъ образомъ его добычу. Прежде всего было установлено время, когда добыча не производится; затѣмъ строго наблюдалось за тѣмъ, чтобы на промыслѣ не убивали матокъ и дѣтенышей, а почти исключительно молодыхъ самцовъ. Старые самцы отличаются плохой шкурой: они дерутся съ соперниками тамъ задорно,

что обыкновенно мѣхъ ихъ прокусанъ и покрытъ ру-
цами во многихъ мѣстахъ. Правильный промыселъ на
этого звѣря возможенъ только потому, что котики
имѣютъ удивительную привычку возвращаться изъ года
въ годъ все къ тѣмъ же самымъ мѣстамъ. Сотни тысячъ
ихъ буквально усѣиваютъ излюбленные ими, далеко
вдающіеся въ море уединенные мысы, на которыхъ они
остаются въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совершенно
не заботясь о пищѣ. Первыми въ маѣ и въ началѣ
іюня являются самцы. Между ними начинаются отчая-
нныя драки за мѣста: каждый звѣрекъ старается за-
нять необходимое ему пространство около 100 кв. футовъ
возможно ближе къ морю, но успѣваютъ въ этомъ
самые сильные и злобные, слабые принуждены караб-
каться дальше на берегъ. Занявъ мѣсто, звѣрь ва-
ляется на немъ или спитъ, не переставая быть въ лю-
бой моментъ готовымъ защитить свое лежище отъ
новаго соперника. Самое любопытное, что котики
пользуются одной изъ своихъ заднихъ лапъ въ каче-
ствѣ вѣера, обмахиваясь ею или защищаясь отъ солнца.
Говорятъ, картина на лежищѣ, когда сотни тысячъ
такихъ лапъ машутъ въ воздухѣ, въ высшей степени
оригинальна. Въ половинѣ іюня съ моря приближаются
самки. Самцы наперерывъ передъ другомъ заманиваютъ
ихъ къ себѣ. Устроивъ свою подругу, звѣрь спѣшитъ къ
берегу за другой, а въ это время его сосѣдъ перемани-
ваетъ самку къ себѣ, чтобы въ свою очередь лишиться
ея, благодаря кознямъ смежнаго съ нимъ и лежащаго
еще дальше отъ моря самца. Все это даетъ поводъ къ
цѣлому ряду поединковъ, побѣдителями въ которыхъ
остаются, конечно, самые сильные. Въ концѣ концовъ
наступаетъ миръ. Когда появляются на свѣтъ молодые,
самцы уплываютъ въ море, матки же съ дѣтенышами и

совсѣмъ молодые самцы остаются на лежбищѣ до середины сентября. Къ этому времени дѣтеныши научаются плавать, и тогда всѣ звѣри покидаютъ острова до будущаго года. Гдѣ они проводятъ остальное время, неизвѣстно. Вѣроятно, разсѣиваются по океану и живутъ розно. Какъ происходитъ, что въ определенное время они чувствуютъ необходимость приблизиться къ тѣмъ же островамъ, какъ находятъ сюда дорогу звѣри, предпринимающіе странствіе въ первый разъ—остается загадкой.

Самцы моложе 6 лѣтъ, а также молодые самки не устраиваются на общемъ лежбищѣ—тысячи и десятки тысячъ ихъ собираются особо и проводятъ время въ рѣзвыхъ играхъ, точно собаки, или же всѣ сразу, словно по сигналу, заваливаются спать на солнечномъ припекѣ. Вотъ эта то невинная молодежь и является легкой добычей промышленниковъ, которые, явившись на мѣсто, отрѣзаютъ стаю отъ моря и затѣмъ медленно гонять смѣшно ковыляющихъ звѣрьковъ на 1 или 2 километра дальше отъ берега на поляны, гдѣ происходитъ „бой.“ Здѣсь промышленники отгоняютъ назадъ такихъ звѣрей, шкуры которыхъ почему либо оказываются плохими, остальныхъ же, не обращая вниманія на ихъ жалобный вой, глушатъ ударомъ дубины по головѣ. За cadaго убитаго котика промышленникъ получаетъ по 1 рублю.

Въ этомъ году было такимъ образомъ убито 13.000 котиковъ. Ободранные трупы ихъ валялись на берегу моря и заражали своимъ запахомъ воздухъ. Но обстоятельство это, повидимому, нисколько не вліяло на расположеніе духа ихъ живыхъ товарищей, которые спокойно лежали тутъ же.

19-го августа, въ день, когда въ прошломъ году

„Вега“ достигла сѣверной оконечности Азіи, судно покинуло Комодорскіе острова.

Нѣсколько дней спустя путешественники были уже въ Токагамѣ и узнали здѣсь очень непріятную новость. Незадолго до ихъ прихода береговъ Японіи достигло паровое судно „Норденшильдъ“, снаряженное Сибиряковымъ для подачи помощи „Вегѣ.“ Страннымъ обра-

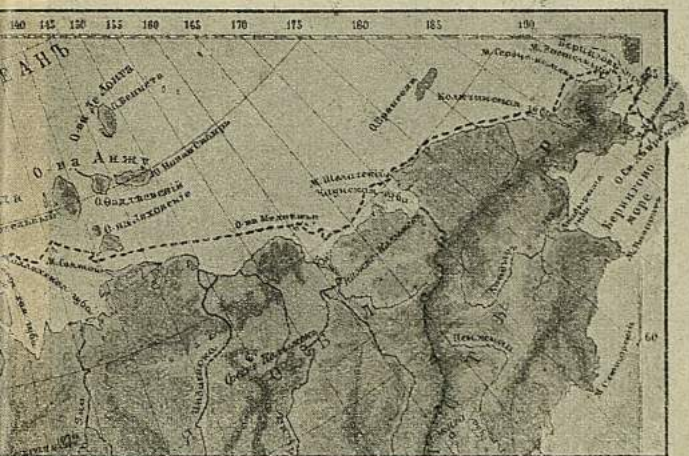
зомъ судно это потерпѣло крушеніе у береговъ Іессо чуть не въ день прихода самой „Веги.“

Японія въ то время уже вступила на путь европейскаго прогресса.

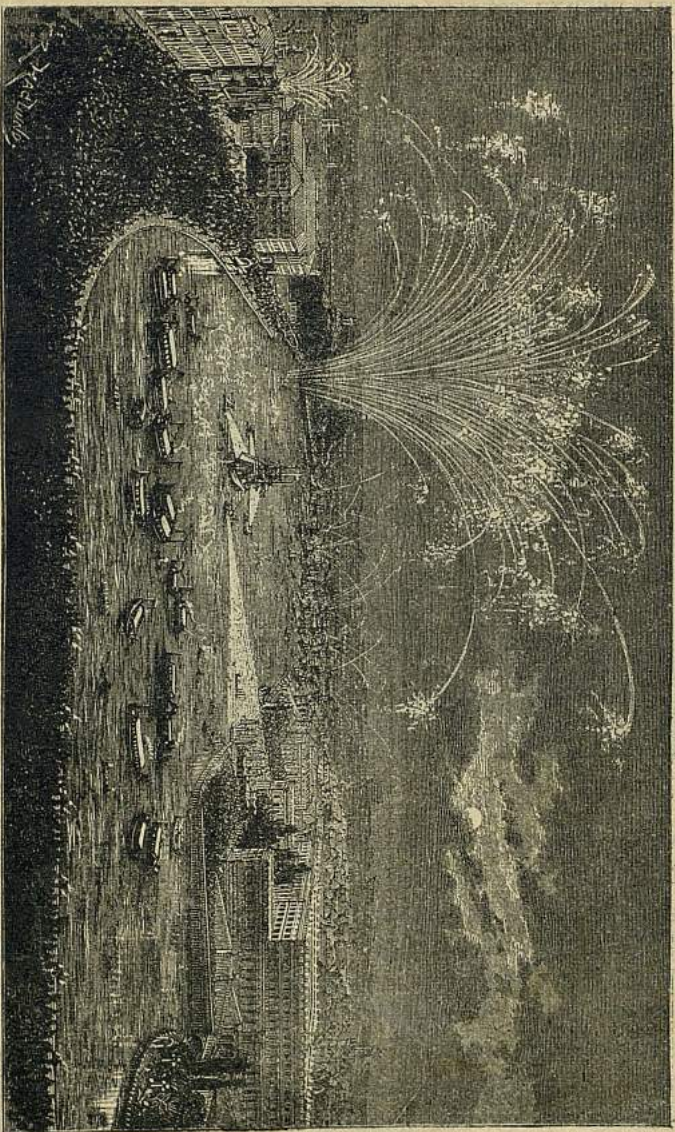
Неудивительно, что появленіе „Веги“, имѣвшей на своемъ борту знаменитаго ученаго, только что выполнившаго замѣчательное плаваніе, привлекло къ себѣ вообще вниманіе. Путешественники должны были принимать участіе во всѣхъ устраиваемыхъ въ ихъ

честь празднествахъ; имъ пришлось побывать на аудіенціи у императора и познакомиться со всѣми выдающимися людьми. Въ честь „Веги“ японцы выбрали даже медаль, которую поднесли Норденшильду на торжественномъ засѣданіи туземнаго Географическаго Общества.

Долгимъ кружнымъ путемъ шла „Вега“ домой. Не будемъ описывать плаванія подъ тропиками. Достаточно

сказать, что судно закончило свое путешествіе вокругъ Азіи лишь въ февралѣ. 13-го числа „Вега“ вошла въ гавань Неаполя. Отсюда Норденшильдъ отправился съ нѣсколькими спутниками черезъ Римъ въ Парижъ. Во всѣхъ главныхъ городахъ знаменитый ученый встрѣчалъ восторженный приѣмъ. Но ему не хотѣлось вернуться на родину сухимъ путемъ, не на суднѣ, которое раздѣляло со своими пассажирами всѣ опасности и тягости плаванія. Поэтому онъ дождался,

Торжественный въезд „Велл“ въ Стокгольмъ.

пока „Вега“ обогнула Европу, сѣлъ на нее въ голландской гавани Флиссингенъ и 24-го марта, почти послѣ двухлѣтняго отсутствія, совершилъ торжественное вступленіе въ Стокгольмъ.

„Вега“ явилась живымъ доказательствомъ того, что сѣверо-восточный проходъ открытъ, но больше значенія, чѣмъ эта цѣль, къ которой стремились столько мореплавателей, имѣли научные результаты плаванія и громадный опытъ, благодаря которому полярныя плаванія перестали быть страшными.

Медаль, выбитая въ Японіи въ память плаванія „Веги“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Полярныя плаванія англичанъ и голландцевъ.—Плаваніе и зимовка Баренца на Новой Землѣ.—Изслѣдованія русскихъ.—Новыя времена.—Открытіе морского пути къ устьямъ Оби и Енисея.—Норденшильдъ и его планъ . .	СТР. 3
--	-----------

ГЛАВА II.

„Вега“ въ морѣ.—Буря.—Прибытіе въ Хабарово.—Тундра.—Самоѣдскіе идолы и молебница	25
--	----

ГЛАВА III.

Въ Карскомъ морѣ.—Туманы и льды.—Покинутое зимовье.—Наносы плавающего лѣса и образованіе пластовъ каменнаго угля.—Устья Енисея.—Почва полярныхъ острововъ.—Снова льды.—Мысъ Челюскина.—Памятникъ „Веги“ . .	45
---	----

ГЛАВА IV.

Въ устьѣ Лены.—Разлука со спутниками.—Мамонтовы клыки, древныя горы и древній ископаемый ледъ.—Приближеніе зимы.—Ледяныя горы.—Первая встрѣча съ чукчами.—Вега затерта льдомъ и принуждена зимовать близъ самаго Берингова пролива	56
--	----

ГЛАВА V.

„Вега“ затерта льдомъ и остается зимовать.—Приготовленіе къ встрѣчѣ зимы.—Встрѣча съ чукчами.—Быть полярнаго человѣка.	64
--	----

ГЛАВА VI.

Рождество на „Веги“.—Елка.—Несбывшіяся ожиданія.—Медленное наступленіе весны.—Лѣто.—„Вега“ освобождается изъ ледяныхъ оковъ	86
---	----

ГЛАВА VII.

У береговъ Америки.—Эскимосы.—Комодорскіе острова.—Вымирающіе звѣри.—Котиковый промыселъ.—Прибытіе въ Японію.—Крушеніе „Норденшильда“.—Торжественная встрѣча.—Возвращеніе домой	91
---	----

2007085546